

Глава III

Нравственная трансформация российского общества в зеркале антиутопии и реакционной утопии

Наиболее быстрый и рельефный отклик на общественные перемены, как происходящие, так и те, к которым общество подспудно готовится морально и интеллектуально, представлен в научно-популярных, публицистических и художественных произведениях. Поэтому, исследуя состояние современной российской общественной мысли, находящейся в поиске путей выхода из морального коллапса, мы решили рассмотреть наиболее популярные образцы дискурсов, выходящих за пределы строго научных. В данном разделе основное внимание уделено произведениям, относящимся к жанру утопии и антиутопии. Вообще фантастика, особенно антиутопического характера, предоставляет уникальные возможности для исследователя, так как является жанром, в рамках которого постоянно происходит конструирование социальных миров. Но конструирование социальных миров невозможно без наличия некоторых доктринальных представлений относительно желательного или нежелательного устройства общества. Поэтому идеологический, политологический, социологический и т.п. дискурсы органически вплетены в ткань фантастического произведения любого автора.

Фантастика, следовательно — жанр очень легко поддающийся политизации, а в силу этого и морализации, поскольку мораль, в нашем представлении, производна от наличной политической философии. Последнее обстоятельство исключительно важно для нас по следующей причине. Если мы исследуем политический дискурс (идеологию, утопию и т.д.) в его «чистом» виде, то сталкиваемся обычно с абстрактно сформулированными тезисами этико-политического характера. Требуется значительное усилие, чтобы представить, что будет происходить, когда конкретные люди начнут руководствоваться данными тезисами на практике. Эта абстрактно сформулированная этика, вы-

текающая из определенной политической доктрины, нередко выглядит не только весьма стройной и последовательной, но и возвышенной, и привлекательной. Не так обстоит дело в художественном произведении, где автор вынужден описывать поступки личности, руководствующейся близкими ему политико-этическими императивами. Случается, что вне зависимости от желания писателя, поступки его героя начинают выглядеть совсем не такими морально неузвимыми, как ему хотелось бы.

Таким образом, подлинное этическое содержание милой сердцу автора идеологической доктрины выявляется гораздо более рельефно; нередко, желая благословить, он в действительности ее прокликает. В этом, вероятно, проявляется неоднократно отмечавшаяся русская национальная особенность, состоящая в стремлении доводить всякое размышление до конца, до последних и крайних заключений. И именно в фантастике, этом полигоне вероятностных миров, данная особенность находит свое полное воплощение. Возможно, поэтому отечественная политическая фантастика последних десятилетий стала самым правдивым зеркалом, в котором отразилось описанное выше нравственное значение нашей «революции».

Более того, фантастика обладает определенным преимуществом перед научной футурологией и прогнозированием в своей способности если не предсказывать, так угадывать будущее. Парадигма футурологии, с которой мы обычно сталкиваемся, имеет свои корни в классическом делении объектов общественных наук на сферы политики, экономики и общества. Однако политология, экономика, социология — это науки преимущественно о стабильных состояниях или же о том, как достичь стабильности. Факторы, формирующие будущее, находятся в областях, определяющих *развитие*. Это области в значительной мере *непредсказуемого* — науки, техники, религии, в широком смысле — культуры и т.д. Расцвет футурологии был тесно связан с популярностью науки и техники, вообще с идеей непредсказуемого изменения. «Захват» же футурологии классическими общественными науками привел к тому, что прогнозирование теперь преимущественно ограничивается анализом уже имеющих место тенденций и их экстраполяцией в будущее. Современные футурологи от общественных наук опасаются оперировать действительно непредсказуемыми факторами. Все множество вариантов прогнозов — в рамках известного и вполне предсказуемого, хотя и с различной степенью вероятности.

Поэтому и сегодня (как и раньше) главными подлинными футурологами остаются именно фантасты, причем очень немногие — способные вообразить плоды научных и культурных трансформаций,

представить, как они повлияют на общество, и связанные с этим конфликты.

Разумеется, все изложенные ниже выводы можно при желании дезавуировать на том основании, что они сделаны на материале произведений «несерьезного» жанра — фантастики, публицистики, плодов воображаемого социального проектирования. Нам могут заметить также, что мы пытаемся выдать мнения ограниченного числа авторов за весомые тренды в общественном сознании последних лет. Эти доводы не кажутся нам достаточно убедительными. Современная политическая фантастика, как никакой другой жанр, за последние годы заслужила титул «зеркала русской революции». Именно отечественная фантастика уже 10–15 лет назад являлась весьма адекватным «социологическим инструментом», точно улавливающим характерные изменения общественных настроений. Из чтения многочисленных произведений отечественных авторов, пронизанных антилиберальными и реваншистскими, имперскими мотивами, можно было легко сделать весьма правдоподобные и в дальнейшем оправдавшиеся выводы относительно характера грядущих трансформаций внешней и внутренней политики России¹. Также и сегодня у нас нет никаких оснований полагать, что фантастика утратила свои качества зеркала общественных настроений.

В данный раздел включен концептуальный разбор «Третьей империи» М. Юрьева и «Проекта Россия» неизвестных авторов. Мы поступили так потому, что, во-первых, оба эти произведения тесно связаны между собой и имеют то или иное отношение к жанру утопий и антиутопий. Книга Юрьева наполовину фантастическое произведение, поскольку в ней изложение утопического проекта сочетается с рядом откровенно фантастических допущений относительно будущего России и мира. «Проект Россия» сам по себе является политико-теологическим трактатом и не имеет прямого отношения к художественной литературе. Однако под его эгидой вышло две книги однозначно фантастического жанра из серии «Воины креатива», которые также разбираются нами в связи с данным политическим проектом. Кроме того, идейная подоплека перечисленных выше произведений очень сходна и есть основания полагать, что к их написанию приложили руку одни и те же авторы.

¹ Подробнее см.: *Фишман Л.Г.* Фантастика и гражданское общество. Екатеринбург: УрО РАН, 2002. С. 159–164.

1. Образы будущего: между антиутопией и апокалиптикой

В течение последних лет в России появились произведения, которые обычно относят к жанру антиутопии. Среди них книги Д. Быкова («ЖД», «Эвакуатор»), О. Славниковой («2017»), С. Доренко («2008»), В. Сорокина («День опричника»), А. Волоса («Аниматор») и некоторые другие. Нередко указанные произведения называют и «дистопиями», хотя смысл в слово «дистопия» обычно вкладывается тот же самый. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что мы имеем дело вовсе не с классическими образцами антиутопического жанра, и что сходство, скажем, «2008» Доренко с «1984» Оруэлла состоит только в датировочном стиле названия. В таком случае говорят, что мы имеем дело с «неклассическими» антиутопиями и дистопиями. Так, А. Чанцев, задавшись целью определить жанровую специфику наших последних «антиутопий», утверждает: «Вернее всего, представляется, было бы определить эти социально-политические фантазмы как дистопию, но — отнюдь не классического типа. Прежде всего бросается в глаза то, что, сохраняя форму дистопического предупреждения и обращенность к будущему, в действительности эти произведения имеют дело с настоящим временем...»¹. Ниже он дает и такое определение: «сатира, считающая себя антиутопией»². То есть авторы *имели намерение* создать антиутопию, а получилась сатира.

Так или иначе у нас появился ряд произведений неясной жанровой принадлежности, но воспринимаемых как антиутопии или дистопии, или нечто хотя бы «по намерению» к ним близкое. И тем не менее ясно, что на самом деле это не антиутопии, а нечто иное. Ответить однозначно на вопрос «что это такое?» трудно, потому что это означало бы ответить и на другой вопрос: что такое мы (российские общество, культура, цивилизация и т.д.) есть сейчас? Иными словами, вот перед нами несколько произведений неясного жанра — с какой исходной позиции мы называем эти произведения антиутопиями, дистопиями и т.д.?

Когда мы называем нечто антиутопией, мы, следовательно, имеем перед глазами некоторый искаженный утопический образ. Антиутопия — это реакция на какую-то утопию, в ней всегда присутствует отсылка к некоей утопии. Поэтому когда сегодня говорят, что у нас появились антиутопии, надо выяснить — на какие утопии они могли быть ответом.

¹ Чанцев А. Фабрика антиутопий: Дистопический дискурс в российской литературе середины 2000-х // Новое литературное обозрение. 2007. № 4. С. 271.

² Там же. С. 274.

Пожалуй, для первой половины 1990-х это могла быть только *либеральная утопия* перехода к образу жизни «как на Западе» с его «потребительским раем». Рай напрямую увязывался со свободным рынком. Свобода, политические права и прочие красивые лозунги — все это было привлекательным, но второстепенным довеском. Характерна оговорка О. Смолина: «Новейшая российская революция, среди прочего, проигрывает великим предшественницам и потому, что не выдвинула относительно продуктивной утопии, способной мобилизовать широкие слои народа»¹. Не отрицается, что утопия у нас была, отрицается ее «продуктивность». Может быть, поэтому в литературе «непродуктивная» утопия не нашла воплощения: никто не вдохновился и не пожелал описывать сон какой-нибудь либеральной Веры Павловны, хотя политиков и публицистов, проповедующих либеральную утопию одно время хватало.

Злые языки вроде Д. Быкова утверждают, правда, что под этой нашей либеральной утопией крылось нечто не совсем либеральное: «Ну, получите. Только не жалуйтесь, если вас возненавидят собственные дети. Произошла интересная вещь: в семидесятые для интеллигента нормально было ненавидеть насильственные попытки цивилизовать народы. Национальная республиканская интеллигенция отстаивала право на самоопределение и ненавидела большевистский интернационализм. Сельские прозаики абсолютизировали сельский труд и проклинали механизированную и праздную городскую жизнь. Интеллектуалы стремительно опрощались, уезжая в те самые деревни. Другие интеллектуалы писали убедительную фантастику о том, что всякое прогрессорство кончается огнем и мечом, и задача всякого настоящего человека — противостоять насильственному усовершенствованию его природы. И эта утопия осуществилась, и энтропия восторжествовала, и подпочвенные силы простоты и деградации вырвались наружу. И национализм стал править бал по всем российским окраинам, и эмэнэсы оказались без работы, и оборонка накрылась, и технократы разорились, а сельская жизнь стала первобытной в худшем смысле слова»². Иными словами, мы хотели утопии, суть которой — уклониться от истории в некую «естественность». В 90-х либерализм и был именно такой утопией естественности и бегства от истории. Все есть, все придумано, надо только повторить это у себя. Рынок — это естественный порядок вещей, демократия — наилучший из возможных режим, ибо все остальные еще ху-

¹ Смолин О. Новейшая революция в России и перспективы социализма XXI века // Свободная мысль. 2007. № 10. С. 64.

² Быков Д. Всех утопить! Русская утопия как антиутопия для всех остальных // Русская жизнь. 2007. № 9 (31 августа 2007 г.).

же и т.д. Все это скрывалось под либеральной фразеологией, было неотъемлемой частью нашей как бы либеральной утопии.

Постепенно все наши либеральные мечтания осуществились. Правда, многими отмечается, что в России растет уровень агрессивности, страха, беспокойства за будущее и т.д. «В сущности, — пишет В. Соловей, — мы живем в социальном аду, но именно в силу погруженности в него его не замечаем: социальная и культурная патология, насилие и жестокость стали нормой, особенно для поколения, социализировавшегося в постсоветскую эпоху и лишенного возможности исторических сравнений»¹.

Но нельзя отрицать, что все требуемое так или иначе осуществилось. После некоторых пертурбаций мы получили и рыночную экономику, и изобилие товаров на полках магазинов, и демократию. И даже за потерю прежнего влияния на международные дела также последовала компенсация в виде статуса суверенной «энергетической сверхдержавы». Конечно, в 1990-е гг. многие мечтали не совсем о том, что есть сегодня. Такое воплощение либеральной утопии им показалось бы антиутопией. В определенном смысле сегодня мы можем признать, что живем в антиутопии или, по крайней мере, в такой реальности, которую легко описать как антиутопию. Потому что осуществление утопии «не так, как мечталось», то есть с искажениями — это и есть антиутопия, а привычное обитание в социальном аду — явная картина *бытия-в-антиутопии*.

Но вернемся к собственно современной российской антиутопии, которая у нас могла быть и какая она есть на самом деле.

В свете сказанного выше было бы очень логично предположить, что классическая антиутопия в России 1990–2000-х гг. описывала «звериный оскал капитализма», гримасы западного (американского) образа жизни, в том случае если бы он укоренился у нас на долгие годы. Однако такого рода антиутопии не нашли у нас большого спроса, ибо не могли сказать нам ничего принципиально нового по сравнению с тем, что уже есть в реальности. Например, много ли добавила к известному нам из жизни антиутопия «ближнего прицела» В. Рыбакова «На следующий год в Москве», в которой Россия расчленена на ряд мелких государств, где планомерно убивают науку и культуру? Ничего, кроме деталей — так уже почти было в середине 1990-х. И это, пожалуй, единственная антилиберальная антиутопия исключительно «на российском материале». Антиутопия З. Оскотского «Последняя башня Трои» посвящена уже отчетливо выраженной глобальной проблематике. В ней «золотой миллиард», к которому присоединяются и русские, с помощью генетического

¹ Соловей В. Перспектива революции // Свободная мысль. 2007. № 10. С. 71.

оружия расправляется почти со всеми остальными жителями планеты, — чтоб не мешали, — и начинает благополучно загнивать в сытом «обществе потребления». Иными словами, у Оскотского русские присоединяются к чужой антиутопии, которую, впрочем, можно назвать и антилиберальной. «Мародер» Аль Атоми посвящен вроде бы российской проблематике, в нем мы видим тот же образ расчлененной и одичавшей России, что и у В. Рыбакова. Но это скорее не антилиберальная, а «геополитическая» антиутопия: слабая Россия оказывается неспособной противостоять внешнему давлению и превращается в жертву сопредельных государств. Показательно, что в самой, наверное, яркой антилиберальной антиутопии 2000-х («Мечеть Парижской Богородицы» Е. Чудиновой) действие происходит вовсе не в России, а во Франции. Вот до чего, дескать, доведут европейцев либеральная веротерпимость и пренебрежение собственной христианской культурой. Но у Чудиновой эта антиутопия разворачивается на фоне присутствующей где-то на заднем плане сильной христианской России — почти утопической России-катехона, удерживающей мир от сползания к апокалипсису. «Война за Асгард» К. Бенедиктова, описывающая торжество страшного нового мирового порядка — это также антиутопия мирового масштаба; в ее основе лежит часто высказываемое по отношению к либеральному капитализму обвинение в том, что при опасности он превращается в фашизм и расизм.

Конечно, бенедиктовская антиутопия задевает и Россию (да так, что ее вовсе не остается), но российская проблематика в ней совсем не главная. Точнее, здесь то же самое предостережение насчет возможной гибели России от внешней угрозы и внутренней слабости. «Золотой миллиард» Г. Прашкевича вообще описывает будущее, столь отдаленное от наших реалий, что в нем нет ни конкретных стран, ни особых народов, да и современные идеологии, вроде того же либерализма, значения не имеют. В целом можно сказать, что проблематика наших собственно антиутопий, имевших место в последние годы — не либеральная и не антилиберальная, а скорее касающаяся вопроса о потере Россией культурной идентичности, ее ослаблении и гибели.

С другой стороны, в этот же период развернулся талант В. Пелевина — мастера описания духовно-культурных, психологических аспектов жизни в наличной антиутопии. Уже его первый культовый роман «Generation “П”», который вроде бы целиком про современность, называли именно антиутопией¹. И действительно, ведь он был посвя-

¹ Кстати, показательно, что произведения Быкова, Доренко, Славниковой, в которых описывается *сегодняшний или почти сегодняшний день*, критикой также были причислены к разряду именно антиутопий: это ли не доказательство, что мы и в самом деле живем в антиутопии?

щен той же проблематике потребительского общества, манипуляции сознанием, тотальной несвободы и т.д., которая характерна для классических антиутопий. Не менее симптоматично, что Пелевина упрекали в алармизме, в то время как либеральная критика всячески ругала алармизм, усматривая в нем явную или скрытую апелляцию к коммунизму¹. В сущности, Пелевина обвиняли в том, что он, описывая современность, не может найти иного языка и иных приемов, кроме тех, которые подходили бы для описания механизмов антиутопии. Что собственно и являлось завуалированным признанием: да, мы действительно живем в антиутопии, но зачем же об этом так прямо говорить? Пелевин «поскреб» нашу реальность и первым обнаружил под нею особого рода антиутопию — антиутопию без творящего ее субъекта, без «великого инквизитора». Герой классической антиутопии мог хотя бы на допросе получить ответы на свои вопросы. Героям пелевинских дистопий не достается и этого, они могут получать только намеки, частичные ответы. Максимум, что доступно им — это освобождение от иллюзий.

Чем, собственно, являются книги Пелевина про криэйторов, а затем про оборотней и вампиров? Рассказами о неких сообществах, которые, на первый взгляд, имеют возможность понять истинную подоплеку происходящего, что должно давать им привилегированное (в гносеологическом смысле) положение. Но в действительности это только иллюзия привилегированности, ибо она только усугубляет душевный дискомфорт. Гносеологически привилегированные герои Пелевина не счастливее персонажей классических антиутопий, узревших краешек истины из запрещенной книги или из разговора с «великим инквизитом». Они все равно остаются внутри антиутопии, не могут даже представить себе, как из нее сбежать. Не менее примечательно, что у Пелевина постоянно присутствует сплав постмодернизма с марксизмом: эта прямая отсылка к одной из могущественных утопий почти прямо указывает на антиутопичность рисуемых автором картин.

Возвращаясь к исходной проблематике, отметим, что в данном отношении Минаев, а тем более Доренко — не более чем эпигоны Пелевина: герои их произведений точно так же ощущают дискомфорт бытия-в-антиутопии, но даже и не пытаются обрести гносеологически привилегированного положения. Им остается только претерпевать и жаловаться на жизнь, а антиутопия их в итоге перемальвает.

Итак, в нашем случае реальность — антилиберальная (а на деле потребительно-рыночная) антиутопия. Но наш случай не уникален, не одни мы живем в антиутопии, были и до нас исторические прецеден-

¹ См.: Роднянская И. Этот мир придуман не нами // Новый мир. 1999. № 8.

ты. Например, французы времен Наполеона и Реставрации также могли бы сказать, что живут в настоящей антиутопии: кое-что из лозунгов революционной утопии в жизнь воплотилось, но счастья почему-то не прибавилось. Примерно то же самое могли бы сказать пролетарии марксовских времен, к которым либерально-капиталистическая утопия оборачивалась чаще всего не лицом. Жизнь в капиталистическом обществе, доминирующей идеологией которого является либеральная, вообще очень часто склонна оборачиваться для среднего человека бытием в антиутопии. Либеральная утопия обещает человеку многое — от личных и политических свобод, до экономического процветания (вспомните начало 1990-х!); но когда дело доходит до реализации, сразу обнаруживается масса ограничений социального и культурного характера. Когда жизнь в антиутопии становилась невыносимой, ответом служили как революционные (прогрессивные), так и реакционные утопии. В каком-то смысле тот же марксизм, равно как и современные ему социалистические утопии также были реакциями на антиутопию — либеральную, буржуазно-революционную и т.д. То же самое происходило и у нас.

Поэтому в 1990–2000-х гг. у нас появились (преимущественно в форме фантастики) утопии, имеющие явственно левый или, по крайней мере, гуманистический оттенок. Однако, что характерно, эти утопии к сегодняшней России не имели никакого или почти никакого отношения. Как, например, творения В. Рыбакова («Гравилет “Цесаревич”»), ордусский цикл Х. Ван Зайчика, М. Ахманова («Ливиец»), И. Эльтеррус («Отзвуки серебряного ветра»), А. Лазаревича («Червь», «Князь мира сего»). Такое неверие в утопию «для нас» и «при нашей жизни» вполне понятно, если учесть, что в этот же период нам активно внушали невозможность всякой утопии (даже либеральной, поскольку, как мы отмечали выше, на деле она скрывала под собой стремление вернуться к некоему естественному порядку вещей). Стоит вспомнить, как многие наши фантасты измывались над всякого рода прогрессорами! Самый успешный из их числа, С. Лукьяненко, кажется, всю силу своего таланта посвятил дискредитации любых утопий, проповедуемых любыми благодетелями человеческого рода. В «Дозорах» и «Звездной тени» Лукьяненко развенчал все утопии — от религиозной до гуманистической и коммунистической. Но что стало закономерным результатом такой дискредитирующей утопии стратегии? В «Черновике» Лукьяненко уже описывает *наш* мир — и не более как «черновик» иного, лучшего мира¹. Иными словами — как все ту же искаженную при во-

¹ Тут наблюдается весьма характерная перекличка с «Гравилетом “Цесаревичем”» В. Рыбакова, в котором наш мир — даже не ухудшенная копия оригинала, а его миниатюрное подобие, плод бесчеловечного эксперимента двух честолюбивых ученых и политиков.

площени утопию (причем чужую, не нашу), то есть как антиутопию, с которой можно только смириться. Но принятие наличной реальности становится принятием бытия-в-антиутопии.

Свято место пусто не бывает — после тщательной дискредитации левого утопизма (социалистических, коммунистических и вообще прогрессистских утопий) в отечественной фантастике появились политические проекты отчетливо правого идеологического оттенка, которые могут быть названы «реакционными утопиями». Большинство из них имело откровенно реваншистский характер: главным было восстановление утраченного могущества России, чуть ли не любой ценой. Таковы произведения Ю. Никитина («Ярость», «Империя зла», «Скифы»), Ю. Козенкова («Крушение Америки»), В. Косенкова («Новый порядок»), Р. Злотникова («Виват, империя!», «Армагеддон»), В. Михайлова («Вариант И»), М. Юрьева («Третья империя») и другие. Наступил расцвет так называемой «имперской» фантастики: многие авторы, даже и не ставившие себе целью нарисовать какой-то утопический проект в имперском стиле, тем не менее в качестве сюжетного фона изображали какую-нибудь империю, нередко все ту же Российскую или даже советскую, пусть и возрожденную в далеком будущем. Этот имперский фон встречается в книгах Д. Володихина («Конкистадор» и другие), А. Зорича («Завтра война», «Время московское»), А. Шубина («Ведьмино кольцо. Советский союз XXI века»), И. Эльтеррус «Безумие бардов» и другие) и т.д. Появился также примыкающий к данной тенденции ряд альтернативно-исторических произведений, в которых Россия достигает могущества, уничтожая и унижая своих исконных противников.

Показательно, что идеологическая реакционность имперских и реваншистских проектов далеко не всегда заключалась в тотальном отрицании либеральных и левых ценностей. Многие из этих проектов вполне могли допускать наличие либеральных прав и свобод, элементов социального государства в имперских рамках. Реакционность заключалась в том, что в мышлении подавляющего большинства авторов господствовала цивилизационная парадигма. К концу 1990-х — началу 2000-х гг. многие российские интеллектуалы пришли к выводу, что правы были Данилевский, Шпенглер, Хантингтон и прочие «консервативные революционеры» типа Дугина, говорившие, что человечества нет, а есть только борьба цивилизаций и культур. Приверженность своим культурно-цивилизационным корням стала важнее, чем забота о человечестве вообще. Пропало желание прислушиваться к «лицемерным западникам» с их либеральными ценностями, которые в действительности прикрывают циничную заботу только о собственном благе. Многие согласилось с тем, что величайшей глупостью наших

предков было стремление принести счастье всему миру, вместо того чтобы заботиться о себе. Вспомнили, что на самом деле в реальном мире «кто сильный, тот и прав». Мир жесток и несправедлив, поэтому оправданно стать такими же по отношению к нему. Для внутреннего же пользования надо придумать какую-нибудь национальную идею, достаточно цивилизованную, гуманную и возвышенную. Ну например, основанную на наших традиционных и советских (тоже понятых в традиционалистском духе) ценностях.

По этим рецептам и было сотворено большинство имперских и рваншистских проектов, отрицавших любой универсализм в пользу национально-культурной идентичности. А апелляция к национально-культурной идентичности автоматически вела к воспроизводству как форм политического устройства, так и идеологической символики, уже имевшей место в прошлом¹. Эти апелляции к символам прошлого во многом определили облик наших реакционных утопий.

Сложилось неустойчивое, ведущее к моральной дезориентации сочетание цивилизационистских и универсалистских моральных установок, в равной степени являвшихся частями нашего культурного наследия. Лозунг восстановления порядка и могущества прежде всего вступил в конфликт с универсальными требованиями справедливости и гуманности. Проекты, выдвигавшиеся одними авторами в качестве утопий, другими стали описываться и восприниматься как антиутопии, и наоборот. Если, например, переход России к исламу у В. Михайлова в «Варианте И» или у Ю. Никитина в «Ярости» рассматривался как вариант светлого будущего, то у Е. Чудиновой в «Мечети Парижской Богородицы» оценки были прямо противоположными.

На этом фоне моральной дезориентации появился ряд произведений, авторы которых, похоже, и сами не всегда понимали — пишут они утопию или антиутопию. Что такое, к примеру, «Выбраковка» О. Дивова — антиутопия, обличающая некий вариант тоталитаризма и «фашизма», или проговаривание некоего постыдного, но, тем не менее, привлекательного содержания «коллективного бессознательного» отчаявшихся людей? Или «Сверхдержава» А. Плеханова с ее психотронной благодатью? Или «Последняя башня Трои» с ее хладно-

¹ У некоторых авторов такая установка проводится вполне целенаправленно. Например, космическая империя русских у А. Зорича («Завтра война», «Время московское») в институциональном плане является результатом так называемой «ретроэволюции» и включает в себя элементы и Российской империи, и советского строя, и либеральной демократии. У А. Шубина («Ведьмино кольцо. Советский союз XXI века») граждане возрожденного Советского союза делятся на сообщества, выбирающие себе или имперскую форму правления, или демократическую, или советскую и т.д., и соответственно избирают себе императора, президента и т.п.

кровным оскотлением небелого населения планеты (а заодно и ликвидацией многих проблем «белого человечества»)? Или «Оборона тупика» М. Жукова, когда само название книги отражает всю сомнительную привлекательность нарисованной в ней картины будущей «энергетической сверхдержавы», цинично грабящей замерзающую Европу? Все это были, по меньшей мере, «спорные» утопии или не менее «спорные» антиутопии.

Показательно, что на уровне риторики эти реакционные утопии тоже воплотились, поскольку власть быстро осознала все выгоды их использования в пропаганде. В то время как на практике осуществлялось постепенное сворачивание публичной политики, складывался порядок преемничества высшей власти, отвечающий как монархическим, так советско-партийным традициям «русской системы», что отвечало антилиберальному духу реакционных утопий, начали множиться апелляции отчасти к советской, отчасти к дореволюционной российской символике и достижениям. Это все, правда, не могло вернуть реалии и действительные достижения тех эпох. Зато расцвела пышным цветом риторика национальной идентичности и суверенной демократии; вслед за мюнхенской речью Путина, после войны с Грузией возобновилась риторика «холодной войны» и т.д. Но так как реакционные утопии воплотились столь же непоследовательно как и либеральная, то мы теперь вдобавок живем и в реакционной антиутопии — искаженном воплощении реакционной утопии. Подобно тому, как некоторые планеты вращаются в системах «двойных звезд», наше общество обретается в системе «двойной антиутопии», которая никого не удовлетворяет.

Вот на этом фоне «двойной антиутопии» и появились наши странные произведения последних лет, которые при ближайшем рассмотрении на антиутопии не слишком похожи. Конечно, вполне вероятно, что некоторые из перечисленных авторов имели намерение сотворить именно ее.

Но в ситуации бытия в реальной «системе двойной антиутопии», создать выдуманную полноценную антиутопию оказалось невозможно. Получалась только экстраполяция сегодняшнего дня в будущее, что само по себе было воспринято критикой как деяние вполне антиутопической направленности. Завтрашний день у Быкова в «Эвакуаторе», у Доренко в «2008», у Волоса в «Аниматоре», у Славниковой в «2017», у Минаева в «МедиаSapiens» отличается от сегодняшнего только количеством терактов, или даже вовсе ничем. Быковский «ЖД» также воспроизводит сегодняшний день, но только аллегорически, на уровне идеологической символики: борьба хазаров-либералов с патриотами-варягами при безучастном коренном населении.

Только В. Сорокин создал полноценную антиутопию в классическом стиле, описав воплощение в будущем, как ему, вероятно, казалось, особо неприглядного варианта реакционного политического проекта. Сорокин тут же был наказан за инициативу. С удивлением он узнал, что его «День опричника» одобряется многими чиновниками именно как картина желанного будущего!¹ А вскоре появилась и развернутая «утопия с опричниной» — «Третья империя» М. Юрьева. На фоне бытия в реальной антиутопии выдуманная антиутопия превратилась в утопию — видимо, в силу своей последовательности.

Так что же такое наша современная российская якобы антиутопия? Это литературное выражение бескрылой футурологии политконсультантов и представителей современных общественных наук.

Современная футурология по своей природе не может и не пытается иметь дело с действительным будущим. Поэтому картина будущего, рисуемого футурологами с помощью метода экстраполяции (отталкивающегося от якобы «статичного» настоящего), призвана подтвердить, что *к старым страхам не прибавятся новые*. В этом и заключается функция футурологии как отпрыска классических парадигм общественных наук, нацеленных на изучение стабильного состояния.

Максимум, что можно предсказывать в рамках этой парадигмы стабильности — катастрофы. Потому что прогноз катастрофы — это *все та же экстраполяция уже известных негативных факторов в будущее*, что «на безрыбье» должно хоть отчасти успокаивать.

Парадокс популярности «постапокалиптической», посткатастрофической фантастики связан с тем, что объективно она выполняет ту же функцию, что и футурология. Она успокаивает: даже и в наиболее отвратительном варианте будущего не случится ничего непредсказуемого, мы погибнем вследствие тех процессов, которые наличествуют уже сейчас. А главное — после катастрофы можно заняться тем же, что и до нее, — восстановлением старой доброй цивилизации. Ослабленный вариант такой «успокоительной» установки мы видим и в современной российской «антиутопии».

То, что в современных российских политических проектах (как правило, в «реакционных утопиях») присутствует призрак катастрофы и войны — не представляется чем-то удивительным. Для утопического или хотя бы стремящегося стать таковым мышления катастрофа — последний *выход* (из приемлемых). И понимание этого у наших писателей присутствует. Д. Володихин, резюмируя содержание наших «реак-

¹ См.: Сорокин В. Сурков вместе с нашими писателями-патриотами должны разработать «метод суверенно-демократического реализма» // Новое время. № 4. 5 марта 2007 г. С. 44.

ционно-утопических» проектов, отмечает: «К сожалению, общий тон российской фантастики в отношении будущего не особенно благоприятен для самой России. ...Современные отечественные фантасты крайне редко пишут о спокойном эволюционном развитии России. В подавляющем большинстве футуросценариев стране предсказано обильное кровопролитие: переворот, гражданская война, внешняя война, интервенция, «зачистки»... Или даже сочетание нескольких перечисленных катаклизмов»¹.

Но такая катастрофа-выход снова вернула бы нас в историю, и мы стали бы «историческим народом» — то есть тем, чем мы сейчас себя не чувствуем и не являемся. Не являемся, ибо не можем окончательно выбрать между либерально-рыночной и какой-нибудь из «реакционных» утопий, так как ни одна из них нам по большому счету не нравится.

Тот, кто не решается выбирать между двумя равно сомнительными утопиями, поневоле живет в двойной антиутопии. Понимая, что ничем хорошим такое житье не кончится, он предчувствует впереди катастрофу, но надеется, вслед за футурологами от общественных наук, что она будет предсказуемой, что новых страхов не появится. Мы находим повод для «сдержанного оптимизма» в том, что навсегда останемся лишь со своими старыми, известными страхами — перед возвратом изоляционистской империи, экстремистскими путчами, терактами, гражданской войной по образцу столетней давности или вечной войной западников и патриотов и т.д. И поэтому современная российская «антиутопия» описывает бесконечное приближение к катастрофе, которая, как ей хотелось бы надеяться, ничего не изменит.

2. «Третья империя»: христианство для избранных

Глобальный кризис проявил полную неготовность России к общественным переменам и экономическим потрясениям, а также глубокую зависимость страны от текущей конъюнктуры мировых рынков, находящихся за ее пределами. Проявленная слабость стала закономерным следствием всего предшествующего политического курса, лишённого стратегии долгосрочного развития. Ситуация дискредитации и тупиковости политического и экономического порядка последних десятилетий вызвала вполне ожидаемую реакцию российской общественной

¹ Володихин Д. Требуется осечка... Ближайшее будущее России в социальной фантастике // Социальная реальность. 2007. № 1. С. 93.

мысли, направленную на то, чтобы предложить обществу более моральные, а следовательно, более приемлемые (легитимные) основания для нового общественного порядка. Речь идет о целях, выходящих за пределы привычного состояния и часто принимающих форму социальных утопий, раздвигающих прежние социальные горизонты.

*Реакция на тупик общественного развития:
«реакционные утопии»*

Одной из заметных интеллектуальных тенденций последних лет стали попытки преодолеть усиливающийся в России моральный коллапс, выражающийся в забвении базовых внеэкономических общечеловеческих ценностей, выразителем которых в эпоху становления капиталистической миросистемы служило христианство. Парадокс в том, что преодоление морального коллапса в условиях экономической стагнации приобретает весьма странную, архаическую форму. Все более популярными становятся дискурсы относительно самоисключения России из глобального мира, активно обсуждаются концепции экономической автаркии и суверенной цивилизации, в жизни общества усиливаются позиции Русской православной церкви. Значительной частью ученых, экспертов и населения представляется очевидным, что Россия многое потеряла в процессе глобализации, а резкое ухудшение экономического положения страны лишь подтверждает данную мысль в общественном сознании. Поэтому, раз страна занимает не то место в миросистеме, логичным представляется ее выход из миросистемы и возврат к неким идеализируемым «традиционным» христианским ценностям. Подобный путь представлен в активно продвигаемых ныне образцах дискурсов, таких как «Проект Россия»¹ или «Воины креатива»².

На фоне привычных для современной России антиутопий, дистопий и разного рода (пост-) апокалиптики, среди всех книг, принадлежащих к классу «реакционных утопий», едва ли не единственный оригинальный образец социально-политической утопии предложен в книге М. Юрьева «Третья империя»³. Книга привлекает внимание

¹ См.: Проект Россия. М.: Эксмо, 2007. — 384 с.; Проект Россия. Вторая книга. Выбор пути. М.: Эксмо, 2007. — 448 с.; Проект Россия. Третья книга. Третье тысячелетие. М.: Эксмо, 2009. — 448 с.

² См.: Воины креатива. Главная книга 2008–2012. М.: Эксмо, 2008. — 256 с.; Воины Креатива. Праведный Меч. М.: Эксмо, 2008. — 320 с.

³ Юрьев М. Третья империя: Россия, которая должна быть. СПб.-М.: Лимбус Пресс; Изд-во К. Тублина, 2007. Далее все ссылки на эту книгу будут приводиться в тексте, в скобках.

не только своим содержанием, но и формой. Содержание ее не является слишком неожиданным — проекты ускоренной модернизации России через автаркию, где на первом месте присутствуют задачи экономического развития, высказывались данным автором и раньше¹. Однако в «Третьей империи» М. Юрьев придал этим проектам утопическую форму, по образцу Мора и Кампанеллы, и дополнил их теологическим обоснованием. Чтобы преодолеть актуальный моральный коллапс российского общества, объединить Россию вокруг новых ценностей и целей, автор выстроил собственное видение оптимального сочетания базовых христианских ценностей (в их православной трактовке) и оригинальной модели «закрытого капитализма», эффективно функционирующего в условиях автаркии.

Было бы правильным поэтому назвать книгу М. Юрьева «реакционной утопией», если бы сегодня слово «утопия» означало то же самое, что и 50 лет назад. Прогрессистские, социалистические, анархические, либеральные утопии эпохи Модерна не описывали будущего в деталях, как творения Мора, Кампанеллы, Фурье и Кабе. Они намечали социальный идеал, обосновывали неизбежность его достижения, намечали программу преобразований, посредством которой идеал будет достигнут и, что принципиально, указывали социального субъекта, который должен был воплотить в жизнь эту программу. Такими субъектами не были энтузиасты-герои, мудрые правители, «добрые люди» вообще и т.д. — это были определенные социальные группы, классы. Утопии реакционного толка волей-неволей должны были повторять структуру и логику своих леволиберальных оппонентов.

Современная ситуация в области политической мысли отличается как раз тем, что исчез социальный субъект, подобный прежнему. Именно это стало причиной имеющего сейчас место заката эпохи идеологий и утопий левого и правого толка как специфических современных форм политической мысли. Сегодня тот, кто хочет предложить свое видение будущего, свой социальный идеал, оказывается в положении, сходном с положением первых утопистов — он может охарактеризовать субъекта желаемых им преобразований с идейной точки зрения, но не может описать его в социологических категориях.

¹ Помимо «Третьей империи» М. Юрьев является соавтором сборника «Крепость Россия». Оба проекта работают на одну идею — Россия будет или отдельной мир-империей (цивилизацией), или она потеряет свое место на политической карте глобализирующегося и все более космополитичного мира: *Юрьев М.* Крепость Россия: концепция для Президента // Новая газета. 15 марта 2004 г. См. также: *Леонтьев М., Юрьев М., Хазин М., Уткин А.* Крепость Россия. Прощание с либерализмом. М.: Эксмо, 2005. — 192 с.; *Леонтьев М., Невзоров А.* и др. Крепость «Россия». М.: Яуза; Эксмо, 2008. — 320 с.

В XXI в. политический мыслитель, имеющий перед своими глазами образ желанного будущего, вновь вынужден обращаться к «Богу, царю и герою». Все вместе или по отдельности, они повернут историю в «правильное» русло, реализуют кажущийся необходимым политической проект, а заодно и создадут социального субъекта, который послужит инструментом для достижения данной цели. Именно к такому типу отчасти домодернового, отчасти постмодернового политического мышления относится разбираемая нами концепция «Третьей империи».

Интеллектуальные проекты, инициированные с участием М. Юрьева, — «Третья империя» и «Крепость Россия», — по сути, проекты ускоренной модернизации России через автаркию, где на первой план выступают задачи экономического развития. Это весьма оригинальные концепции, развивающие тезисы А. Паршева¹ о том, что гипотеза Д. Рикардо о взаимовыгодности экономического обмена разными товарами для любых государств в отношении России не работает.

М. Юрьев исходит из того, что преимуществами глобализации и открытости, несмотря на декларации равного для всех доступа к возможностям и ресурсам, реально могут воспользоваться только гегемоны актуальной капиталистической миросистемы в лице США и Европы. А сопутствующее глобализации обострение морального коллапса, трактуемое Юрьевым как разложение традиционной морали, семейных и патриотических ценностей, является целенаправленной технологией экономического, политического и демографического ослабления мировой периферии. Поэтому для противодействия такому развитию событий требуется закрытость от несправедливых экономических обменов с гегемонами миросистемы. У Юрьева это своего рода утопия антиглобалистского «упорядоченного» и географически поделенного между цивилизациями мирового пространства, противостоящая популярной ныне либеральной концепции «плоского мира» Т. Фридмана, предполагающей технологическое выравнивание возможностей всех сегментов миросистемы². Поэтому для России и всего незападного мира, в число гегемонов не входящего, грамотное «отключение» от глобализации в виде «вестернизации» может стать условием генерации всевозможных экономических и стратегических преимуществ в будущем. Это своего рода альтернативный проект цивилизационной глобализации без унификации,

¹ См.: *Паршев А.П.* Почему Россия не Америка: Книга для тех, кто остается здесь. М.: Крымский мост-9Д, 1999.

² См.: *Фридман Т.* Плоский мир. Краткая история XXI века. М.: АСТ: АСТ-Москва, 2007.

когда весь мир будет полностью поделен на пять автономных цивилизаций, руководствующихся в своих внутренних делах собственными оригинальными ценностями и принципами, без оглядки на остальной мир.

*Спаси мир от антихриста:
цивилизационная изоляция*

Детально проработанный проект автаркичной «третьей империи» М. Юрьева заслуживает подробного анализа как в силу предельно полного и масштабного описания нового общества, так и того, что ценностные основания «третьей империи» напрямую черпаются в типичных дискурсах цивилизационизма, «уникального пути», воскрешения православия как государственной религии и возврата к идеальному «моральному обществу» прошлого. Подобная реконструкция Великой России предполагает отказ от современности и проекта Модерна, от глобализации и модерновых идеологий, от привнесенной в Россию извне представительной демократии и модели открытого рыночного капитализма, связанной с достижением глобальной конкурентоспособности. При этом следует учитывать, что замысел, лежащий в основе утопии М. Юрьева, не столько экономический и политический, сколько религиозный, миротворительный. Точнее, политика и экономика подчиняются в нем религиозному мировидению. Предлагаемое Юрьевым политическое и социальное устройство «третьей империи», как и политическое устройство мира, в первую очередь преследуют цель если не предотвращения (как христианин, Юрьев не может допускать такого варианта), то максимально возможной отсрочки конца света. Цель существования империи заключается в том, чтобы свидетельствовать перед Богом, что род человеческий не совсем безнадежен, примером чему и является построение в границах империи Царства Правды, Империи Добра, подобия Царства Божьего на земле, как это записано в Конституции проектируемого автором государства (с. 90). Только в свете этой миротворительной цели любые конкретные мероприятия, предлагаемые Юрьевым в его утопическом проекте, обретают смысл и становятся частями стройной религиозно-политической концепции.

Очевидно, что подобная установка глубоко укоренена в религиозной традиции христианства, откуда Юрьев масштабно заимствует интегральные элементы своей концепции. Отсюда и его исходные антиглобалистские отсылки к Апокалипсису Иоанна, где предсказано, что антихрист придет в смутные времена мира, когда ужасы, обрушившиеся на раздробленное человечество, окажутся столь велики, что люди

с радостью начнут искать спасения в едином мировом государстве. Возникнет это государство благодаря усилиям антихриста, и он же его возглавит. Мировой хаос, предшествующий такому повороту истории, произойдет вследствие того, что прежний «центр стабильности», так называемый «Вавилон»¹, ослабеет, утратит былой авторитет и против него восстанут цари и народы. Для Юрьева глобализация мира и либерально-гуманистические ценности, якобы отменяющие христианскую веру, являются ни больше, ни меньше как предвестием пришествия антихриста, который объединит весь мир перед апокалипсисом (с. 91, 142, 292).

Соответственно, для предотвращения катастрофы требуется новый духовный центр. В православии идею спасения воплощает так называемый Катехон, обычно (но не всегда) понимаемый как государство, стоящее на страже мировой стабильности и порядка. И как раз российская цивилизация призвана играть эту роль, в то же время избегая мирового господства: «Чтобы неправда не оказалась в твоих пределах, надо быть закрытым» (с. 292). Примечательно, что достигается эта цель путем построения довольно милитаристского государства, постоянных провокаций и участия в межцивилизационных конфликтах малой интенсивности. Кредо нового российского императора состоит в том, что «большая война — зло, а полный мир — зло ненамного меньше» (с. 132).

Сюжет утопии построен на том, что в ближайшем будущем на смену постоянно дробящимся и теряющим суверенитет нациям-государствам (суверенитет их базируется только на удержании постоянно уменьшающейся территории) придут государства-империи, представляющие собой отдельные автономные цивилизации, чье земное существование регулируется из области их уникального культурно-религиозного дискурса. В «третьей империи» предполагается согласовать преимущества капитализма с базовой христианской моралью с помощью экономической модели христианского капитализма, в которой отсутствует ссудный процент. Более того, основой «третьей империи» станет не земной общественный договор граждан России, а построение «подобия» Царства Божьего на земле. Поскольку только подобные задачи, выходящие за рамки утилитарной и ограниченной рыночной логики, пронизывающей современную политику, способны выявить «дух народа», позволяющий населению стать чем-то большим, чем просто суммой индивидов с конфликтующими земными интересами.

¹ В. Цымбурский остроумно и небезосновательно назвал этот Вавилон «безблагодатным Катехоном»: *Цымбурский В.Л.* Апокалипсис на сегодня // Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. М.: РОССПЭН, 2007. С. 527.

Прагматические экономические допущения утопии М. Юрьева основаны на идее, что Россия сможет модернизироваться и обрести могущество не путем присоединения к глобализирующемуся миру, которое будет способствовать выкачиванию ресурсов из страны, а, наоборот — только через автаркию, построение «Крепости России»: «Независимость нации и государства превыше всего. Любое же взаимодействие с окружающим миром есть вступление в зависимость от него, и чем сильнее взаимодействие, тем сильнее зависимость; в какой-то момент она становится критической, и для нас он уже наступил.... Важно, чтобы все хозяйствующие субъекты (как, впрочем, и не хозяйствующие) постепенно привыкли, в том числе на подсознательном уровне, уровне общественных архетипов, что всё для них — и обогащение и разорение, и возвышение и падение, и счастье и несчастье — находится между западной и восточной границами России, и нигде больше; и если уж вдруг в границах станет тесно, то не пересекать их надо, а расширять. Тогда, и только тогда, опять станет Россия державой, а не территорией, а мы все — нацией, а не населением»¹.

В качестве удачных примеров закрытой модернизации М. Юрьевым упоминается опыт выхода из экономической депрессии нацистского рейха и советской индустриализации 1930-х гг., успешно проведенных во враждебном окружении. Видимо, враждебное окружение вообще воспринимается им как неперемный стимул для форсированной модернизации.

Согласно книге, к середине XXI в. мир будет поделен между пятью цивилизациями-государствами: Российской империей (Россия в границах СССР, Европа и Израиль), Американской федерацией (Северная и Южная Америка), Исламским халифатом (Африка и Ближний Восток), Поднебесной республикой (Китай с сателлитами и Австралия) и Индийской конфедерацией. Каждая цивилизация как макрорегион будет включать не менее миллиарда населения, что позволит ей создать автономный внутренний рынок, достаточно разнообразный и независимый от внешнего мира. Первой к 2030 г. сформируется Российская империя, в состав которой сначала добровольно, на основании всенародных референдумов, войдут постсоветские республики, а затем и вся остальная Европа, включая Турцию и Израиль (как единственную удаленную территорию).

Построение нового мирового порядка произойдет огнем и мечом, хотя Россия имеет все возможности сделать это бескровно. При этом русские воины откажутся от новейших вооружений, позволяющих

¹ Юрьев М. Крепость Россия: концепция для Президента // Новая газета. 15 марта 2004 г.

поражать противника на расстоянии, демонстрируя личную доблесть и мужество в смертельно опасных условиях. Да и управляемые конфликты между цивилизациями в мире будущего скорее походят на языческие забавы в римских цирках, чем на построение «аналога» Царства Божьего на земле.

Благодаря секретным технологиям Россия в 2020 г. получает шанс стать единственной сверхдержавой. Но перспектива стать новым Вавилоном правителями России отвергается, в силу того что любое господство, тем более всемирное, временно. Пик могущества, которое может стать глобальным, обычно означает начало конца, ибо перестают существовать иные цели, кроме ловушки мирового господства, в которую попадали все империи прошлого: «Центральная идея Третьей империи, сама суть ее существования состоит в том, что она и должна быть Царством Правды. Но Царство Правды может существовать лишь в ситуации оппозиции по отношению к своей противоположности, следовательно, должно быть и царство неправды, натиск которого сдерживает Империя: именно так русские себя и ощущают. Если же весь мир станет одним государством, то неправда окажется внутри него — в этом и есть смысл пророчества Апокалипсиса. Это может случиться не только тогда, когда тебя завоюют, но равно и тогда, когда ты сам завоюешь весь мир» (с. 292).

Пассаж насчет оставления неправды за границами империи выглядит не совсем понятно. Возможно, этот аргумент хорош в качестве лозунга, но, конечно, Юрьев вряд ли хочет сказать, что внутри границ «третьей империи» исчезнет всякая неправда, как разновидность зла. Вообще зло, в соответствии с христианским представлением о природе человека, находится внутри него и ни за какую имперскую границу изгнано быть не может. Речь, по-видимому, идет о некоторых видах социального зла, сужающих возможности спасения души, то есть о таких социальных и экономических практиках, когда человек вынужден больше заботиться не о спасении, но о приобретении различных земных благ, о наживе, телесных удовольствиях и т.д. Эти виды зла в Империи Юрьева существенно ограничены, хотя, вообще-то, ее экономический строй можно назвать вполне капиталистическим — есть в нем и частная собственность, и богатые, и бедные.

Иными словами, мир, возникший в воображении М. Юрьева, уже на макроуровне устроен таким образом, чтобы если не исключить возникновение дестабилизирующего планету хаоса, то минимизировать вероятность его возникновения. Цивилизационная разделенность нового мира — это предусмотрительная мера в контексте Апокалипсиса Иоанна, своего рода первая преграда на пути будущего антихриста: неоткуда взяться «десяти царям, которые еще не получили царст-

ва» и которые в конце времен восстанут на Вавилон¹. Понятно, что одной преграды на пути антихриста недостаточно. Для мыслящего с учетом перспективы апокалипсиса еще более важна другая задача: как не допустить превращения имеющегося подлинного Катехона (в данном случае — «третьей империи») в «безблагодатный Катехон», то есть в Вавилон. М. Юрьев решает эту задачу следующим образом.

В «третьей империи» (первая империя включает Московское царство и период правления Романовых, вторая — период СССР) предполагается полный пересмотр современных (современных) общественных ценностей в целях воссоздания «империи», «духа народа» и спасения души каждого православного гражданина. (При этом непонятно, какие конечные цели будут у тех, кто не является православным; в империи таких тоже немало, несмотря на ассимиляцию.) Соответственно «идеологическое обеспечение изоляционизма путем создания непреодолимых цивилизационных различий — решается не столько ограничениями, сколько созданием нового, своего...»². Но это новое опять-таки оказывается весьма ограниченным, оказывается не раз отвергнутыми историческими рецептами, а потому существуют серьезные опасения, что оно будет вновь отвергнуто в пользу внешних сообразов, как это часто происходило в закрытых обществах.

На всероссийском референдуме в Империи утверждена новая конституция, в которой прописаны основные принципы существования общества. Россию отличает от остального мира такой принцип общественного устройства, как сословность, и два принципа самоидентификации: автономность (независимость от внешнего мира) и национализм (с. 65). Утопическая Россия будущего — государство, которое исходит из того, что главной целью человека является спасение и жизнь вечная, поэтому все земные интересы людей второстепенны для целей этого государства (с. 63–64). Более того, предполагается максимальное растворение жизни индивидуальной в жизни общественной, поскольку спасение в православии тоже коллективное — спастись могут либо все, либо никто. Критерии «человека экономического», богатства и бедности в логике такого государства не имеют никакого значения. В конституции Империи особо подчеркивается, что «...сугубо личные и земные цели отдельных людей не являются предметом конституции, поскольку вообще не интересуют государство; они могут преследоваться людьми любым способом, не противореча-

¹ См.: Откровение Иоанна Богослова, 17 // Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Канонические. В 2 т. Л.: [Б. и.], 1990.

² Юрьев М. Крепость Россия: концепция для Президента // Новая газета. 15 марта 2004 г.

шим истинным целям государства, и регулируются государством исходя из соображений управленческой целесообразности при соблюдении принципа минимального вмешательства» (с. 64).

Принцип автономности определяется как «стремление к минимизации взаимодействия и взаимозависимости с другими государствами; в российской публицистике этот принцип обычно называется “крепость Россия”» (с. 275–276). Данный принцип заключается в минимизации межцивилизационных контактов, которые несут цивилизациям скорее вред, чем пользу.

Таким образом, прагматический смысл автаркии в том, что «Русская цивилизация считает себя самодостаточной: все, что ей надо — и в материальном, и в духовном смысле, — она может произвести сама. Для русских не является аргументом, что кто-то может сделать что-то лучше, чем они: в их представлении им это не нужно, либо они напрягутся и смогут сделать не хуже» (с. 278). Поэтому другие цивилизации — не равные, и не худшие, они просто чужие, которые никогда не станут «своими». Но главная цель автаркии вовсе не экономическая и не культурная. Более верным будет сказать, что экономическая и культурная автаркия — лишь средство для того, чтобы создать вторую преграду для антихриста: помешать Катехону переродиться в Вавилон. Апокалипсический Вавилон — это государство, имеющее тесные и обширные торговые и культурные связи со всем миром. «Великая блудница» «яростным вином блудодеяния своего... напоила все народы, и цари земные любодествовали с нею, и купцы земные разбогатели от великой роскоши ее»¹. Такого обвинения нельзя будет предъявить «третьей империи» с ее автаркичной экономикой, минимальным экспортом-импортом, замкнутой на себя культурой и не имеющим аналогов общественным устройством.

*Христианство для народа,
язычество для элиты*

Общество в Империи делится на три сословия: служивое (военные и чиновники), иначе называемое «опричники», которое составит около 2% населения; духовное сословие, независимое в своих делах от государства (при ведущей роли Православия как единственной государственной религии, чей приоритет закреплен законодательно), и податное сословие — «земцев», составляющих 95% населения. Предполагается, что каждый человек по достижении совершеннолетия в 15 лет вправе сво-

¹ Откровение Иоанна Богослова, 18:2-3 // Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Канонические. В 2 т. Л.: [Б. и.], 1990.

бодно выбрать свою национальность, религию и сословие. Однако в другом месте книги мы узнаем, что опричником может стать только православный гражданин, а в школе обязателен для всех такой предмет, как Закон Божий, сызмальства призванный заложить в граждан основы удобной для империи верноподданнической морали. Причем дети атеистов во время изучения Закона Божьего будут выполнять разную черновую работу типа мытья полов (с. 494). И тот факт, что этот школьный предмет в Российской империи изжил себя еще в XIX в., дискредитировав Церковь, и породил массу революционеров, М. Юрьевым и нынешними российским реформаторами образования в расчет не берется.

Предполагается, что в своих общих гражданских правах все сословия будут равны, но политические права в новом обществе будут иметь только «опричники». То есть только те граждане, которые берут на себя общественные обязанности — служить, воевать, жертвовать собой во имя государства и общественных интересов. Поэтому основная характеристика опричников как элиты — это способность к самопожертвованию ради Отечества. Опричнина имеет моральное право принимать за остальных политические решения, а не право в силу занятия неких назначаемых или выборных постов во властной и иных иерархиях. При этом жертвование и аскеза ради себя в расчет не берутся, из-за эгоистического мотива. Кроме того, опричники не могут заниматься бизнесом, размер их состояния и жалованья ограничен, а честность проверяется периодическими «технодопросами» с использованием «сыворотки правды». Опричники раз в 10 лет выбирают из своих рядов самодержца России — главное должностное лицо.

Опричники и духовные лица дают обеты нестяжания и аскетичного образа жизни. Собственно, само выделение этих сословий производится в целях разведения логики экономической, связанной с накоплением богатства, и логики власти, руководствующейся общим долгосрочным интересом, противоречащим текущему накоплению. Без разделения высшей сакральной (внеэкономической) логики власти и «человека экономического», без выделения специального сословия, для которого «идея государства» превыше всего, все реформы, по мысли Юрьева, бессмысленны.

Впрочем, в истории человечества и в истории Церкви ничто не мешало элитам нарушать свои обеты и присяги. Церковники и опричники в «третьей империи», по сути, образуют нечто внешне и чуждое по отношению к остальным 98% населения, как монголы в завоеванном ими Китае: «Носителем веры опричники видят Церковь и духовенство, а носителем справедливости — державу и себя. Поэтому в отношении к другим людям справедливость заменяет им любовь...» (с. 620). Тем более что «не так Бог любит веру, как правду». Однако, несмотря

на декларации о защите населения и справедливости, все эти благие помыслы перечеркивает тот простой пример, что опричник может убить земца просто за личное оскорбление или даже за жестокое обращение с собакой — символом опричнины (с. 190–191). Опричники служат государству как высшей ценности, поэтому простой гражданин для них — почти никто, как смерд для дружинника.

Правда, отсутствие политических прав у податного сословия отчасти компенсируется информационной прозрачностью и открытостью государства, правом всех граждан участвовать в публичных дискуссиях и получать от чиновников ответы на любые свои запросы. В Империи проводится четкое различие между самоуправляемыми общинами, где все граждане имеют право голоса, и государством, которое есть «не территория и не населения, а идея. Соответственно факт того, что вы житель государства, не достаточен для права управлять им — поэтому это право отдельное; чтобы его получить, надо принадлежать не к населению, а к идее» (с. 598).

Есть и символическая компенсация политического бесправия: предполагаются социальные технологии братания в виде обязательных для всех коллективных застолий по воскресеньям, периодических «братчин», коллективных увеселительных мероприятий, в которых люди участвуют вне зависимости от сословий. Кроме того, опричники время от времени должны выполнять неквалифицированные физические работы, чтобы не отрываться от податного населения, а церковники — странствовать по городам и весям. Но все это скорее походит на фарисейство со стороны высших сословий, что-то вроде «надзора», чем на заботу о «стаде», которое они стремятся защищать и направлять.

Очевидно, что в современных сложных обществах, которые не охватить одной религией или идеологией, понимание справедливости у людей разное. Но «третья империя» вовсе не предполагает никаких форм достижения общественного согласия. Автор даже говорит, что у каждого из сословий, по сути, своя русская идея. У духовного сословия она эсхатологическая, у опричников — имперская, у податного сословия — прогресса. Эти идеи весьма различны между собою, хотя каким-то мистическим образом сплавляются в одну идею — Третьего Рима (с. 236–238). М. Юрьев проводит прямые параллели между опричниками как овчарками и остальным населением как стадом. Соответственно, что можно ждать от опричников, стремящихся «жить, не будучи связанным ни обществом, ни семьей, ни имуществом, как волкодав среди стада овец, пока не сложишь голову за свою страну» (с. 140). Вот только есть ли у таких людей «своя страна», с которой их связывает что-то действительно человеческое, кроме того, что эта страна их кормит и обеспечивает, хотя людей, которые это делают,

опричники втайне презирают, считая ниже себя. Например, связать себя узами брака с земцем считается для опричника чем-то вроде одолжения низшему (с. 197).

Было бы наивно полагать, что с описанным выше сословным кодексом чести опричнина не переродится в закрытую касту, в господствующее сословие, которое в итоге подчинит и население, и государство выполнению собственных целей — продлевать свое господство как можно дольше, пресекая любые альтернативы. А идеологическая легитимация этого господства может черпаться в не критично смешиваемых христианстве, национализме, риторике справедливости, государственности, защиты общества и т.п. Возможно, опричники действительно не будут стяжать материальное богатство, но кто удержит их от других грехов, к которым провоцирует образ жизни их сословия — властолюбия, гордыни, честолюбия, жестокости? Ведь руководствуются они принципами государственной целесообразности, а не любовью к другим людям. Моральные принципы этой целесообразности весьма размыты. Это не то, что может претендовать на всеобщую мораль, но пример именно локальной, ограниченной сословной морали, которая ставится выше общехристианской. Наконец, такие пороки, как прием наркотиков, пьянки, сексуальные оргии входят чуть ли не в обязательную программу воскресного отдыха опричников (с. 182–183). Таких «государственных людей» будет неизбежно коррумпируют не тлетворный либерализм, богатство или семья, а сама принадлежность к привилегированному сословию, оформление наследственного характера которого на практике станет лишь вопросом времени.

В целом описание ключевого для «третьей империи» сословия опричников выявляет много их типичных языческих доблестей. Это сословие имеет ряд безусловно привлекательных качеств; даваемые опричниками обеты служения, умеренности и чести вызывают как минимум уважение. Но эти воинские доблести сами по себе отношения к христианству не имеют. Сходного рода обеты мог с равным успехом принять рыцарь, самурай, мамелюк, кшатрий и т.д. При детализации обетов обнаруживается, что, к примеру, обязательство опричников помогать всем особо беззащитным, проявлять нетерпимость ко злу проистекает у них не из любви и милосердия, а из чувства чести. Поэтому правомерна безотчетная нелюбовь к ним со стороны большинства земцев. Нельзя любить надменную касту, которая всегда готова при неповиновении третьего сословия утопить любой бунт в крови, поскольку служит в первую очередь не народу, а «третьей империи» и ее миротворительному проекту. Нельзя любить тех, чьи отличия от прочих столь велики, что «опричники и земцы — это практически разные биологические виды» (с. 197), причем первые считают себя и в духовном смыс-

ле высшими существами. Ведь формально являясь православными, они нередко исповедуют нечто еретическое — учение о неоднократном возвращении души на землю после смерти (с. 139); но данная привилегия касается только их самих, воинов. Правда, автор утверждает, что такой специфический вариант учения о метемпсихозе с элементами стоицизма прямо православным догматам не противоречит (с. 479). Следует отметить, что многие опричники верят: когда явится антихрист, они не пустят его в пределы империи, а разобьют на ее границах. Как это соотносится с пророчеством Апокалипсиса, где ничего подобного не сказано, а, напротив, говорится, что антихристу подчинится весь мир и до Армагеддона никто его нигде не победит, непонятно.

Надо учесть, что опричники — базовый элемент всей умозрительной схемы Юрьева. Выдерни этот элемент — рассыплется «третья империя», а вслед за нею и все остальное мироустройство, предназначенное для того, чтобы в рамках Империи создать условия для спасения людей, а в рамках планеты — задержать наступление апокалипсиса. И поэтому очень странно, что в столь очевидно мотивированной христианской верой утопии ключевое место отдано сословию с не слишком-то христианским этосом. Еще более удивительно, что «Царство Правды», «Империя Добра», даже подобие «Царства Божьего на земле» в итоге оказываются обществом «со служилым сословием и милитаристской этикой во главе» и что это общество «нуждается для самосохранения в постоянных войнах низкого уровня интенсивности, примерно, — замечает американский гость автора, — как у наших индейцев до прихода европейцев» (с. 132).

В целом «Третья империя» предполагает возврат к традиционному обществу, к разным избирательно ценным для новой утопии периодам и практикам, имевшим место в России в разные периоды ее существования, и обернутым в дополнительную упаковку национализма, изоляционизма и патриотизма. В Империи утверждается примат политических интересов государства и христианской миссии империи (Катехон) над любыми экономическими интересами, что призвано избавить общество от морального коллапса. Хотя общество при этом и остается капиталистическим. Функционирование идеократической православной империи предполагает снижение свободы и субъектности отдельных граждан, доминирование государства над обществом, а коллектива над человеком, усиление внешних социальных и внутренних запретов и регуляторов, индоктринируемых через системы воспитания, обучения и права. Это возрождение форм коллективного контроля всех за каждым, искусственное наращивание взаимозависимости людей и значимости общественной оценки. Все это во многом напоминает советскую систему, формирующую общественно лояль-

ного гражданина, которая разрушилась, когда большинство людей стали жить в урбанистическом обществе, предполагающем высокую индивидуальную автономию каждого и снижение плотности социального контроля, присущего разным формам общинности и коллективизма. Советские люди в конце XX в. незаметно для идеологической системы вышли из несовершеннолетия и стали относительно свободными в своих моральных и иных оценках вопреки системе социального воспитания и государственного контроля. Модель советской коллективности, которая воспроизводила модифицированные общинные структуры социальности, стала архаичной в индустриально-урбанистическом обществе Модерна и в итоге была разрушена рождением советской личности из социалистического коллектива.

Можно ли наивно полагать, что современные люди в силу каких-либо причин откажутся от своей моральной и интеллектуальной автономии в пользу проекта, предполагающего их обратное превращение в поданных «третьей империи», чья жизнь подлежит жесткому внешнему контролю, в том числе в виде множества внешних и внутренних запретов, во имя построения царства справедливости на земле? Причем эта справедливость оказывается весьма избирательного действия, основанной по сути своей на иррациональных ценностях и иерархиях, разрушаемой любыми попытками ее рационализации. Это вариант возврата от идеологий (как светских религий) к предшествующей им вере, предусматривающей только принятие существующего общественного порядка как легитимного, но не предполагающего осмысления этого «органического» порядка, тем более его критики. И хотя новая русская утопия не запрещает общественные дискуссии и «свободу быть услышанным», но граждане не имеют права подвергать сомнению ценности веры государства. Споры могут вестись только о технических по сути своей вещах, связанных с оптимизацией уже существующего строя. Сакральные истины «третьей империи» принадлежат церкви и государству, но не обществу, которое находится в подчиненном положении, а составляющими его людьми можно жертвовать во имя сверхцелей.

Назад в будущее?

Перспектива цивилизационной автаркии «третьей империи» предполагает отказ империи-государства от христианских ценностей, которые могли бы стать универсальными и эгалитарными для всего мира. И отказ этот производится не в пользу ценностей либеральных и секулярных, но скорее в пользу ценностей дохристианских, цивилизационных, сословных и племенных, то есть тех, которые христианство, собственно, и хотело преодолеть. И действительно, развернутое опи-

сание «третьей империи» выявляет ее вовсе не христианскую ценностную подоплеку, хотя главной целью этой империи объявляется создание всех возможных общественных условий для спасения души каждого гражданина и отсрочки пришествия в мир антихриста. Однако все христианские ценности в Империи — это ценности уникальной идентичности, ценности отличия, осознаваемые в их противопоставлении врагу, другому, чужому, ибо именно он позволяет носителю этих ценностей осознать и проявить их в ходе конфликтного взаимодействия. Сами по себе эти ценности в утопическом российском обществе без поддержки врагов и «Большого брата» почему-то не устанавливаются, а на остальной мир и вовсе не распространяются. Не потому ли вроде бы христианское «Царство Правды» М. Юрьева обречено общаться с внешним миром по законам первобытного племени, где все чужие — люди неполноценные?

В итоге реакционная утопия «третьей империи» предлагает преодолеть нынешнюю ситуацию морального коллапса путем возврата в отдаленное прошлое. Но это прошлое при более пристальном рассмотрении мало обнадеживает, являя образцы еще более ограниченной морали, чем та, которую мы можем наблюдать в актуальном состоянии морального коллапса. Утопия «третьей империи» невольно превращается в антиутопию, лишняя раз подтверждая, что дискурсы самоисключения России из «враждебного мира», какими бы благими намерениями они ни были инициированы — видимо, тупиковая ветвь общественной дискуссии о будущем для России.

3. «Проект Россия»: дискурс Великого инквизитора

«Есть три силы, единственные три силы на земле,
могущие навеки победить и пленить совесть
этих слабосильных бунтовщиков, для их счастья,
— эти силы: чудо, тайна и авторитет.
Ты отверг и то, и другое,
и третье и сам подал пример тому..
Мы исправили подвиг твой и основали его на чуде,
тайне и авторитете».
Великий инквизитор

В настоящее время одной из заметных интеллектуальных тенденций стал выход ряда книг анонимных авторов с общим названием «Проект Россия», претендующих на формирование альтернативного властного

дискурса. Уже вышло три книги «Проекта Россия»¹ и две «Воинов креатива»². «Воины» тоже промаркированы «проектом». Основной вопрос такой: чего на самом деле хотят авторы того и другого? Ведь если сопоставлять бегло, то разница между «проектом» и «креативом» бросается в глаза. «Проект» в своих первых двух книгах ориентирован преимущественно на Россию, «креатив» — на весь мир. «Проект» только тем и занимается, что борется с самой идеей демократии (отброшенная попытка выставить в качестве альтернативы монархическую идею — не в счет), то есть работает на ниве определения идеологических приоритетов. Позитив «проекта» — нечто традиционно-православное, хотя еще не определенное полностью. «Креатив» в основном описывает методики внедрения неких абсолютно любых ценностей с помощью пиара (иначе — креатива); о идеологических симпатиях и антипатиях его авторов можно только более или менее уверенно догадываться. В финале второй книги маячит призрак 1968 г., символ какой-то неясной глобальной ценностной революции. Традиционализмом и не пахнет, хотя религиозная символика присутствует уже в названии («Воины креатива: Праведный меч»).

Уж не работают ли авторы на самом деле в разных проектах?

Однако есть и сходство, но оно на другом уровне. «Проект Россия» и «Воины креатива» представляют людей как «массу», которая пойдет за ядром единомышленников или же за «Героем» (так, кстати, зовут одного «воина креатива» (вокра) из первой книги «Воинов»). С точки зрения «Проекта», люди неравноценны: прежде всего нужны сильные, влиятельные и богатые. Другие тоже присоединятся, но потом. Сейчас же ждать некогда. Книги «креатива» на этом фоне выглядят как плод разочарования. Не пошли за «проектом» сильные и богатые, так призовем творческих. Пообещаем им сетевой способ координации (то есть свободу, а как же без нее привлечь творческих людей?), романтику воинской борьбы в рыцарском духе за пока еще неопределенный, но светлый идеал. Посулим им власть над «пиплом», отечественным и зарубежным, который они будут своими волшебными манипуляциями увлекать в самых разных направлениях.

В общем, при совместном прочтении «Проекта Россия» и «Воинов креатива» возникают весьма противоречивые впечатления. Поэтому имеет смысл анализировать их по отдельности и вначале представить себе, что такое «проект» без «креатива» и «креатив» без «проекта».

¹ См.: Проект Россия. М.: Эксмо, 2007; Проект Россия. Вторая книга. Выбор пути. М.: Эксмо, 2007; Проект Россия. Третья книга. Третье тысячелетие. М.: Эксмо, 2009.

² См.: Воины креатива. Главная книга 2008–2012. М.: Эксмо, 2008; Воины креатива. Праведный Меч. М.: Эксмо, 2008.

Проект без креатива

Для чего вообще был начат «Проект Россия» или, иными словами, зачем это надо было его авторам? При анализе «Проекта Россия» в его нынешнем незавершенном виде следует учитывать один крайне принципиальный момент. Проект написан людьми религиозными, православными христианами и рассчитан в первую очередь на верующих. Главным в нем является именно религиозное содержание, о чем неоднократно говорится в обеих книгах. Поэтому не случайна кажущаяся архаической структура первого тома: в ней особый раздел посвящен природе человека. Кто сейчас так пишет? Никто, поскольку вопрос о человеческой природе для авторов современных политических произведений кажется решенным по умолчанию. «По умолчанию», то есть подразумевается «человек экономический», продукт рынка, атеизма и демократии. В проекте же подразумевается человек как существо, которое достигает высшей свободы в служении Богу.

Как можно понять, современный мир в целом авторам не нравится. Они хотят новой цивилизации, нового мироустройства¹. Поэтому прежде чем предлагать нечто конкретное в сфере экономики или политики, они отводят много места объяснению: почему же мир им не нравится. А не нравится он потому, что очень далеко ушел от религиозности и традиций. Демократия, рынок, падение нравов — все это только следствия. В таком мире человек не может исполнять свое главное назначение — спасать душу. Поэтому своей главной целью авторы считают подготовить идейную почву для такого общественного устройства, при котором человек прежде всего мог бы выполнить эту миссию:

«Вот вам и ответ на вопрос, зачем нам нужно спасать Россию. Чтобы иметь надежду на спасение души. Защищая своего ближнего (свой народ), мы выполняем вторую заповедь Христа. Нами движет не надежда попасть в число придворной элиты. У нас более высокие цели. Может, Господь простит нам грехи наши... Если народ обижают лукавым способом, а корни этого лукавства в системе, нужно менять систему. Наша цель — построение Православного царства, рождается из стремления спасти душу»².

Согласно замыслу «Проекта Россия», в далекой перспективе, касающейся всего мира, смутно маячит развод народов по религиозным квартирам с «традиционной властью». Если сложить все намеки относительно политического режима, уготованного России, равно как

¹ См.: Проект Россия. Вторая книга. Выбор пути. С. 289.

² Проект Россия. Вторая книга. Выбор пути. С. 326.

и желательного мироустройства, получается нечто вроде «третьей империи» М. Юрьева с сословиями, опричниной, разделом мира между сверхдержавами, изоляционизмом:

«Мы видим форму государственного правления как самодержавие по типу СССР, где самодержцем выступала партийная элита. В нашей модели тоже правит элита, но принцип формирования правящей элиты другой. В третьей книге мы покажем, как действует этот механизм. В нем есть что-то от принципа формирования церковной элиты, что-то от воинской, и ничего от коммерческой. В нашей модели ворота во власть для податного сословия закрыты.

Вопрос, какое сословие оптимально подходит на роль властного, не имеет четкого ответа. Есть общие контуры, что это не должны быть люди, высшей целью которых являются деньги. Для остальных сословий это вопрос открытый»¹.

И сразу же возникает практический вопрос: откуда в условиях капитализма появятся верующие в Бога властные элиты, независимые от конкретного политического устройства и экономического режима? Куда испарится классовое господство, накопление капитала, эксплуатация и экономические интересы? Авторы утверждают, что в условиях демократии людьми манипулируют, чему они приводят немало примеров. Но что дальше? Отказывая гражданам в способности противостоять манипуляциям со стороны элит, отрицая политическую субъектность широких масс, авторы предлагают в итоге лишь еще более изощренные методы манипуляций. И почему читатель должен верить, что новые манипуляции будут осуществляться во благо народа? Потому, что элита «правильная», а ее манипуляции оправданы? Но кто уполномочил эту элиту манипулировать кроме нее самой? И в чем нравственное отличие авторов «Проекта» от врагов России? Если для тех и других народ лишь расходный материал истории, а истинно политическими интересами и правильным видением истории может обладать лишь элита? Оказывается, что на уровне ценностей и морали противоположности как раз и не возникает, отличия сводятся лишь к степени изощренности владения масс-медийными технологиями контроля масс. В результате политика и общественные дела действительно перестают быть народными, превращаясь в привилегированное дело элит.

«Проекту» бессмысленно предъявлять претензии по поводу проработанности экономических, политических и прочих аспектов их программы, нежелания погружаться в частные вопросы. Он просто «не о том». Самая важная сфера — идеология, остальное вторично. А иде-

¹ Проект Россия. Вторая книга. Выбор пути. С. 151.

ология здесь, как можно понять по предварительным наброскам, это православный неотрадиционализм. «Чтобы исправить ситуацию, требуется восстановить ребра жесткости, коими являются религия и традиция»¹. Это позволит избавиться от Рынка, Демократии, Атеизма и Похотей. Избавиться ради чего? Чтобы восстановить общества, построенные по типу пирамиды: из элиты воинов и жрецов наверху и «третьего сословия» внизу. Поэтому и другим, так называемым «старым традиционным странам» вроде Франции или Германии, они тоже предлагают нечто похожее — религиозно-традиционное. И если они построят по предлагаемым наброскам некий политический режим, то его главной целью будут вовсе не успехи в экономике, не ликвидация социального неравенства и все такое прочее, а создание условий, при которых каждый человек мог бы жить по-христиански. Формально не имеет значения — из элиты он или нет, ведь перед Богом все равны. При этом вопрос об элите и массе очень подробно разработан. В «Проекте Россия» народ — это дети, нуждающиеся в опеке. Иначе они становятся жертвами обмана «взрослых». Себя авторы из скромности тоже не считают достаточно взрослыми². Однако полагают, что у них все же более масштабное мышление, чем у тех, кому в 1990-х раздавали общенародное добро. В целом же они претендуют на звание более полноценной элиты, чем нынешняя. Их идеал элиты таков:

«Силой, задающей тон обществу, является элита, ориентиры которой находятся за границами видимого мира»³.

Соответственно, оптимальной стратегией интеллектуалов, которым адресован «Проект», волей-неволей становится присоединение к усилиям этой таинственной элиты ориентирам, которые «находятся за границами видимого мира». Но к такой элите присоединиться трудно, особенно учитывая, что принять ее ключевые тезисы без наличия веры невозможно. Потому что для рационального осмысления открыта только негативная часть этих тезисов, где разоблачаются Демократия, Рынок, Атеизм и Похоти. Неужели авторы всерьез рассчитывали, что интеллектуалы могут присоединиться к фрагментарным рассуждениям о предпочтительности монархии первого тома «Проекта», которые авторы сами же дезавуируют во втором томе. Но тогда зачем писали? Чтобы себя же опровергать, с легкостью мыслей необычайной?

Поскольку авторы не собираются опираться на вечно «неисторический» народ, который никогда не готов к восприятию настоящей истины, то легитимность их «проекта» способен обеспечить только

¹ Там же. С. 139.

² Проект Россия. С. 11.

³ Там же. С. 62.

Бог, но не земные люди. Но если народ — дети, не понимающие своего истинного блага, то как им будет управлять даже самая лучшая элита? Уж не с помощью ли все той же манипуляции сознанием, как это делают ненавистные демократы («демонократы») и либералы? Ведь детьми обычно так и управляют, пока они не повзрослеют. Однако проблема манипуляции как спекуляции на массовом незнании сути общегосударственных вопросов решается элегантно:

«Человек не вмещает большое знание, но вмещает знание абсолютное. Мы не знаем, как это объяснить. Не находим ничего лучшего, как снова указать на “парадокс Фомы”. Ученый муж назвал все свои труды соломой, заявив, что любая бабка, имея *веру* в бессмертие души, знает больше, чем написано во всех его книгах. Бабкины знания имеют объем, не уместяющийся в словесные формы и трехмерную логику.

Абсолютное знание есть *Вера*. Этот тип знания нельзя усомнить. Любое рациональное знание, составленное опытным и логическим путем, можно усомнить, а веру нельзя. Вера, Любовь, Честь не подчиняются рациональным законам»¹.

И пожалуй, с этим можно согласиться, даже если перевести сказанное на секулярный язык. Любую социальную революцию сопровождает революция моральная. Массы часто не могут усвоить тонкости доктрины, но могут прекрасно понять, какая мораль из конкретной идеологии следует. Усвоить дух учения. И в этом отношении их не обманешь. Тогда революционный матрос может объяснить профессору, пусть и на примитивном уровне, но верно, ради чего делается революция. Это создает определенные ограничения для манипуляторов. Другое дело, что искусный манипулятор может успешно поддерживать иллюзию, что его действия как раз соответствуют Вере, Духу Революции и т.д. Особенно когда сам революционный порыв уже угас. Видимо, авторы проекта предполагают каким-то образом бесконечно поддерживать в новой православно-традиционной цивилизации не революционный, конечно, но высокий религиозный энтузиазм масс.

Таким образом, авторы и присоединившиеся к ним люди спасут свою душу. Вот это в проекте самое возвышенное и самое пугающее. *Они свою душу будут спасать и, в случае чего, никого не пожалеют и не спросят, хотят ли таким же образом спастись и другие:*

«Не бойтесь ошибаться, действуя. Бойтесь ошибиться бездействием. Во время борьбы с ересью альбигойцев католики осадили последний оплот еретиков. В крепости оказались не только еретики, но и добрые католики. Рыцарь спросил аббата Мило, сопровождавшего вой-

¹ Проект Россия. Вторая книга. Выбор пути. С. 272.

ско против мятежного города, как им во время штурма отличить еретиков от католиков. Легат папы Иннокентия III ответил: *“Бейте всех, Бог различит своих от чужих”*¹.

Во второй книге проекта авторы как-то забывают, что в первой ужасно торопились, призывая под свои анонимные знамена «ресурсных людей», элиту, под тем предлогом, что времени осталось очень мало. Теперь они говорят, что реализация проекта рассчитана на долгую перспективу — может быть, на 200 лет. Видимо, за это время с человечеством должно что-то произойти, и оно окончательно отринет не оправдавшие себя в истории Рынок, Демократию и Атеизм с Пороками. Судя по проекту, это будет нечто катастрофическое: «Бесстрастные расчеты свидетельствуют: к 2015, максимум, 2020 г., множество крупных проблем сойдутся в одной точке. Возникнет критическая масса, которая будет себя умножать за счет своего объема. Это будет что-то вроде «черной дыры», которая всосет в себя Россию... Когда представляешь гигантскую волну, катящуюся по миру, сметая страны и континенты, кажется, ничто не может ей противостоять»².

Понятно, что в условиях катастрофы неотрадиционалистский теократический «Проект» может оказаться привлекательным. Как ни парадоксально, у элитистов-теократов-традиционалистов тут обнаруживается явное сходство с мировосприятием революционеров-утопистов: только катастрофа может привести к воплощению желанной цели.

Но что будет, если катастрофы к 2020 г. не произойдет? Неужели без этого ключевого условия проект, рассчитанный на перспективу в 200–300 лет, оказывается нежизнеспособным? Настолько ли он тогда закономерен, необходим и безусловен, чтобы не зависеть от колебаний общественных настроений и внешней среды? Вопросы трудные, но авторы ловко спасаются от них в третьей книге резким уходом в религиозную проблематику.

К третьей книге они уже окончательно забывают, что вообще-то хотели предложить России некую новую модель государственного, политического, идеологического и религиозного обустройства, которую они даже в общих чертах уже продумали ко времени написания второй книги. Модель эта по-прежнему остается тайной. Вместо нее авторы вновь многословно обличают Демократию, Атеизм, Пороки, Либерализм, Общество потребления и прочие плоды Модерна. Кроме того, большая часть книги посвящена вопросам религиозной онтологии, доказательству того, что Христос действительно реальное лицо и на самом деле воскрес после смерти. Авторы, по-видимому, счита-

¹ Там же. С. 331.

² Там же. С. 336–337.

ют, что чем тщательнее они обоснуют эту и без того очевидную для всякого верующего истину, тем убедительнее покажутся и прочие их доводы. Немалое место уделено и истории христианства. Наконец, они в очередной раз предсказывают всему человечеству катастрофическое будущее, которое наступит по мере того, как некий «мировой игрок» перемелет мир в пудру, построит из полученного материала новое царство, во главе которого будет стоять антихрист. Все это завершается Страшным судом и Вторым пришествием¹. В скором времени, пишут они, «обрушение мировой системы приведет к цепной реакции. Самые страшные ужасы прошлых тысячелетий на фоне недалекого будущего покажутся детским лепетом»².

Понятно, что в такой эсхатологической перспективе авторам уже не до создания политического проекта конкретно для России, да и вообще не до политики. Ведь человеческими силами невозможно не допустить возникновения царства Антихриста. Поэтому теперь авторы планируют создать «ковчег», в котором могли бы спастись выдавленные из мировой системы люди. Это будет «центр стабильности, имеющий фундаментом христианское мировоззрение»³. Причем ковчег этот не будет ни народом, ни государством (даже в виде могучей империи за железным занавесом⁴ — прощай, «третья империя» М. Юрьева!), ни партией, ни общиной, поскольку все они не могут защитить от «поражающего фактора нового мира». Авторы предпочитают характеризовать ковчег как идейную группировку, добровольное объединение единомышленников, «монастырь для своих». При наличии христианского религиозного фундамента группировка все же «не является религиозной организацией, путь в нее открыт всем: и верующим, и светским людям»⁵. Таких ковчегов вообще-то может быть много, главное, чтобы составляли их люди, действующие по заповедям Христа. В среде этих новых ковчегов со временем будет воспитана новая элита (как же без нее), из которой выделятся «творческие личности с религиозным подсознанием»⁶. Эти личности перевоспитают своей деятельностью остальных и тем самым преобразуют потребительское общество в религиозное.

Иными словами, к моменту написания третьей книги «Проект Россия» из религиозно-политического превратился в культурно-религи-

¹ См.: Проект Россия. Третья книга. Третье тысячелетие. С. 340.

² Там же. С. 403.

³ Там же. С. 404.

⁴ Там же. С. 405.

⁵ Там же. С. 431.

⁶ Там же. С. 443.

озный с неясной политической перспективой. Проповедь альтернативного мироустройства, а также обещания предложить какую-то новую модель конкретно для России были отодвинуты в пользу проекта перевоспитания потребительского общества в религиозное. Ставка на таинственную новую элиту при этом осталась прежней.

Проект в глазах других

Вопросы, которые возникают в связи с собственно «Проектом», касаются и того, как он выглядит для других, необязательно для врагов. Да хотя бы и для христиан.

Пока не сформулировано четкое представление о социальном идеале авторов «Проекта», отвлеченные рассуждения о том, что сейчас мы живем неправильной, оторванной от традиционных корней, нехристианской жизнью, имеют не слишком большую ценность.

Ведь если «Проект» читает верующий человек, то для него разоблачение атеизма не актуально. Актуально получить ответ на вопрос: каковы пути перехода общества к христианской жизни, каким должно быть это, выражаясь словами Кальвина, «установление христианства»? Да и вообще, возможен ли в действительности такой режим, который наиболее полно мог бы соответствовать христианским ценностям?

В «Проекте» четкого ответа на эти вопросы нет, зато есть перечень того, от чего (уже ставшего таким привычным) верующему человеку следует отказаться. Это, конечно, идеи демократии, гуманизма и либерализма. Отказаться же от них придется в пользу религии, сословности и элитизма, которые, по мнению авторов, с давних пор лежали в основе «правильных» обществ-пирамид. Аналог такого общества авторы хотят установить в будущем.

Атеист, конечно, к такой постановке вопроса отнесется с иронической улыбкой. Но и у верующего она вызовет ряд вопросов.

Верующий в Бога имеет веские основания полагать, что элитизм и сословность плохо сочетаются с духом христианства. Тут даже дело не в том, что когда-то Господь Бог управлял Израилем через священнослужителей, а отказ от такого правления в пользу царской власти с сословиями и прочими прелестями общества-пирамиды воспринял как отвержение Бога народом Израиля. Дело в другом: *это общество-пирамида, как отлично понимают и сами авторы «Проекта», показало свою несостоятельность именно с точки зрения соответствия своего устройства именно христианским ценностям.*

Сами же авторы пишут, что в природе таких обществ заложено рано или поздно оказаться перед выбором: либо отказаться от религии

и стать экономически развитыми, сильными и побеждать в войнах, либо не отказаться и проиграть¹. И тем не менее для авторов «Проекта» такое общество является гораздо более достойным подражания, чем нынешние. Поэтому имеет смысл несколько подробнее высказаться об этом лукавом мифе о традиционном и религиозном обществе-пирамиде, якобы более высоком в моральном и прочих планах. На самом-то деле предлагаемое традиционное общество с его королями, рыцарями, монахами и крестьянами — это слегка завуалированное господство сильных с центральным культом силы. В нем рыцарская «честь» только для «своих». Простолюдины — лишь подданные и человеческий материал.

Неправда, что падение традиционного общества-пирамиды началось с сомнения в существовании Бога, с гуманизма. Оно началось с протеста против перерождения церкви, давно начавшей жить по принципам сильных и богатых. Разумеется, часть сильных и богатых этим протестом воспользовалась. Взять ту же Английскую революцию. Но разве английские революционеры, «железнобокие», были атеистами? Они были крайне религиозными. Религиозными до такой степени, что Кромвель говорил: «Люди чести должны быть побеждены людьми религии». Вот у кого была тогда вера и на чьей стороне оказалась «честь». Вольтерианство и либертарианство — изобретения вовсе не демократов, а верхушки общества-пирамиды — аристократов.

Потом выяснилось, что религия снова становится аргументом в интригах сильных мира сего с присущей им «честью»; тогда и усомнились в Боге. Лучше уж без религии совсем, чем так. А заодно и без аристократии. Авторы «Проекта» могут говорить сколько угодно, что «традиционная власть управляет народом принуждением и убеждением», а демократическая власть — «через манипуляцию сознанием и соблазнение»². Но падение религии и традиционной власти началось с того, что привычные их обоснования стали восприниматься как ложь, оправдывающая господство сильных над слабыми. Что бы ни говорилось о демократии, она повысила самооценку «маленького человека». А ведь, сошлемся опять на авторов «Проекта»: «центральное требование души — самооценка»³.

Иными словами — это еще большой вопрос, какой тип обществ создает условия для большего извращения христианских ценностей.

¹ См.: Проект Россия. С. 121.

² Там же. С. 136.

³ Там же. С. 34.

Проект с креативом

В кратком изложении сюжет «Воинов» выглядят следующим образом. В глобальной экономике ключевой ценностью становятся бренды, идеи, смыслы, способствующие рыночному продвижению реальных товаров, то есть креатив, а ведущей отраслью — рынок РИТМА (Реклама, Изображение-Текст, Мелодия-Мода-Маркетинг)¹. Патриотически настроенные российские креативщики, заручившись поддержкой Кремля (встречами в Кремле начинаются и заканчиваются обе книги «Воинов»), смогли завоевать мировой рынок креатива, используя уникальные технологии «творческого озарения», попутно развалив монополию западных «Пяти Королей», контролировавших эту отрасль. Вскоре выясняется, что креатив является не только бизнесом, приносящим доход, но — что гораздо важнее — способом идеологического и политического влияния, тотальной переделки России и мира. Однако креатив используется вокрами (сокращение от «воинов креатива») для реализации довольно банальных идей — возрождения духа социального коллективизма и оптимизма, рекламы России как мировой здравницы, пропаганды ценностей верности, семьи и любви, продвижения экологического образа жизни и иных разделяемых всеми идеологическими лагерями вечных ценностей, которые сами по себе «не тянут» на программу связанных социально-политических преобразований: «Разрушить систему ложных ценностей можно было только изнутри и только стоя у руля, на вершине пирамиды. Спасением мира занялся таинственный русский Болельщик, создавший для этого армию Воинов Креатива. Завоевав мировой рынок РИТМа, Вокры собирались когда-нибудь окончательно убедить развращенный мир в том, что БОГ есть»². Вот так, ни больше, ни меньше!

Но при обращении к конкретике вся пафосная риторика превращается в обычные манипуляции, призванные отвратить современников от ложных ценностей общества потребления и приобщить к мистическим идеалам праведности, которые кроме как верой в Бога ничем иным в «Воинах» не описываются и не постигаются. В итоге вера в Бога и тайные молитвы позволяют вокрам стократно превзойти потенциал атеистических креативщиков внешнего мира, соответственно, Россия обретает потенциал влияния, несоизмеримый с ее реальным экономическим влиянием. Главным учреждением страны становится Главсмысл, генерирующий идеологические основы нового

¹ Воины креатива. Главная книга 2008–2012. С. 15.

² Там же. С. 246.

общества. Правда, это общество авторами никак не описывается, кроме проведения исторических параллелей с событиями 1968 г., которые они считают переворотом эпохи, коренным образом поменявшим мировоззрение цивилизации¹. Более чем странно, что авторы как апологеты возрождения христианства и истиной веры в качестве исторических аналогий апеллируют ко временам сексуальной революции, хиппи, увлечения восточными религиозными культурами и побед разнообразных меньшинств. Если уж требовался яркий символ, могли бы обратиться к той же Реформации.

Изначально вокры предстают как универсальные пропагандисты и рекламщики, которые готовы работать на любого заказчика по всему миру. И то, что команда русских вокров под руководством главного анонимного вокра, выступающего под псевдонимом Болельщик, вдруг начинает бесплатно работать только в интересах России, внятно ничем не мотивируется, разве что внезапным приступом патриотизма или приобщением к Богу. Похоже, более весомой и реалистичной причиной могло стать то, что Кремль как заказчик выразил готовность платить за их идеологические проекты. Безусловно, фантазия о бескорыстии вокров выглядит весьма контрастно на фоне реальных безработных российских политтехнологов, в массовом порядке ставших ненужными вследствие схлопывания пространства публичной политики и конкурентных выборов.

Авторы «Воинов» особо выделяют задачу улучшения мирового имиджа России. Разрабатываются конспирологические комбинации по переизбранию лояльных к нынешней России европейских и американских политических лидеров. Настойчиво аргументируется мысль, что все невзгоды России проистекают извне и обусловлены кознями внешних врагов. Но стоит заменить их на лояльных друзей, чем-то обязанных России, как страна расцветет. Впрочем, иных версий от «Воинов креатива», где ни разу и ни в чем не упрекнули статускво и властную элиту, ожидать и не приходится. Основные враги — это мировая закулиса, а российская оппозиция — ее коллективный агент.

Как и в «Проекте», в «Воинах» главную роль в мировой истории играют элиты, на которые работают тоже причисляющие себя к элитам вокры (воины креатива) — рекламщики, политтехнологи. Элиты манипулируют массами, народами, населением, большинством, как стадом овец, которое никогда не способно мыслить масштабно, выходить за пределы обыденности. Поэтому массы всегда будут вестись на грамотные лозунги, даже не понимая их конечных целей.

¹ См.: Воины креатива. Праведный меч. С. 286–287.

Во второй книге — «Воины креатива. Праведный меч» — вдруг выясняется (поразительное открытие!), что мировая экономика и политика подчинены интересам узкой касты сверхбогачей. Каста глубоко законспирирована, а крупнейшие предприятия и целые отрасли экономики, президенты, спецслужбы и парламенты ведущих стран — не более чем пешки, подчиненные элементы одной большой игры, конечной цели которой они не знают. А цель на удивление банальна — обеспечение личного бессмертия мирового правительства.

Какова же в таком контексте новая цель воров во главе с неуловимым гением креатива, скрывающимся под псевдонимом Болельщик? В духе Прометейя она столь же хрестоматийна — отнять монополию на бессмертие у земных богов и отдать ее человечеству. Человечество в мировой мифологии уже много чего наотнимало у богов: технологии, знание, господство над природой и животным миром. Осталось только одно — вечность и бессмертие, причем гарантированные не в загробной жизни, а в земной.

Даже если отвлечься от «Воинов», есть очень много людей, для которых религиозные приоритеты проекта таковыми не являются. Для них в любом случае все разговоры про религию — пиар или пустой звук. Но и не принимая в расчет их мнение, «Воины креатива», вышедшие в свет под маркером «Проекта Россия», их безбрежная вера в пиар, их отношение к религии и культуре как к брэнду и т.д., мягко говоря, заставляют усомниться в самом «Проекте». После «Воинов» появляются весомые основания не принимать всерьез его религиозную составляющую. Или интерпретировать ее лишь как средство удовлетворения честолюбия авторов, желающих банального личного возвышения, реванша. На этом фоне вся религиозная риторика «Проекта» с Пятым царством и Катехоном, которым является Россия, вдруг приобретает весьма эгоистичное и циничное звучание.

Что умиляет в насквозь элитистском «Проекте», так это заключение первого тома: «Мы выстоим, потому что нас нет. Потому что “музыка и слова” — народные»¹. Пardon, но народ ведь это дети, которые не умеют анализировать, выбирать, вообще не сознают своих настоящих интересов. И какую же музыку со словами он может написать?

А вот такую. Тоскливая музыка мифа о минувшем золотом веке обшесть-пирамид есть, но слова неразборчивы, как весь проект. Потому что слова — это уже некая позитивная и рациональная идеология. А она разрушает миф и обязывает тех, кто правит, отвечать перед народом.

¹ Проект Россия. С. 317.

Еще одно противоречие в том, что авторы и «Воинов», и «Проекта» позиционируют себя как истинных патриотов, но при этом действуют анонимно. По их словам, «свобода возможна лишь при одном условии — абсолютной анонимности политического действия»¹. Но любая честная политика предполагает публичность, анонимное политическое действие это такой же оксюморон, как живой труп или сухая вода. Или речь идет уже не о политике, а о конспирологии? В пользу данной версии говорит и то, что, согласно авторам, враги тоже анонимны: «Сегодня врага не видно. Он везде, но конкретно его нет нигде»². Что же это за враги такие, которые то ли есть, то ли их нет, — «а был ли мальчик»? Не являются ли враги, которых нельзя назвать и как-то обозначить, лишь игрой воображения? Там ли их ищут авторы «Проекта»? Российская история неоднократно проходила периоды охоты на политических ведьм и агентов внешних врагов. Стоит ли возрождать подобные алгоритмы политического мышления?

Зачем авторам «Воинов» потребовалось выдумывать мифическое мировое закулисье, глобальных злодеев, намекать на заговоры, если не для отвода внимания от вполне конкретных виновников реальных общественных несправедливостей, творящихся здесь и сейчас? Вопрос опять-таки риторический.

Если герои «Воинов» так же анонимны, как и воображаемые враги, кто поручится, что это не одни и те же люди? Если у авторов «Проекта» нет мужества снять маску и закончить игру в графа Монте-Кристо, то это означает, что они не готовы взять ответственность за все ими сказанное в «Проекте». Однако в политике без публичности и открытости никто еще не заслуживал чьего-либо доверия. К спецслужбам, конспирологии и всякому закулисью народ всегда относится плохо.

Поэтому показательно, что и в «Проекте», и в «Воинах» идеология так и не сложилась. Это можно интерпретировать по-разному. Можно сказать: потому что современным человеком с помощью идеологии управлять уже не получается. Прошли времена, когда большие начальники и интеллектуалы совместно управляли обществом, опираясь на идеологию. М. Кантор замечает, что современный глобальный капитализм «Империи» уничтожает в своей идеологии классы, нации и т.д. Но когда «множество людей переймет у империи принципы децентрализованного существования», тогда и сопротивление «империи» станет децентрализованным. «Тем самым массовые регуляции — современное искусство, финансовые кредиты, идеология демократии — перестанут работать. Метод оболванивания толпы не действует на отдельного че-

¹ Проект Россия. Вторая книга. Выбор пути. С. 4.

² Там же.

ловека, сила гуманистической культуры такова, что достаточно одного голоса, одного внятного «нет», чтобы обесценить всю тотальную пропаганду»¹. Но возможно, теми, кем нельзя управлять с помощью пропаганды, получится управлять с помощью «креатива».

Можно сказать и по-другому: авторы и «Проекта Россия», и «Воинов креатива» на самом деле *боятся* идеологии. Идеология, конечно, «ложное сознание», но у нее есть свои крайне неудобные для них особенности. В своей наиболее привлекательной ипостаси она все же рациональна, требует аргументации, даже апелляции к науке. В своем менее приятном облике она может оказаться неудобно ригидной. Индоктринированные люди, фанатики, рыцари одной идеи на «креатив» плохо клюют. Поэтому ну ее, идеологию. Сегодня потратишь немалые силы, чтобы люди ее усвоили, а завтра эти же самые люди будут задавать тебе неприятные вопросы на тему «верности партии». Лучше уж пробавляться «креативом» и неопределенной «верой», которая есть «абсолютное знание»: оно быстрее и дешевле. «Креативщикам» вообще хотелось бы, чтобы их методы были столь же неотвратимыми и эффективными, как природные явления — ну, скажем, как вирусы. (Они свою книгу в аннотации так и назвали: книга-вирус.) А где у природы разум или фанатизм?

*Без проекта и без креатива,
или Кризис целей*

В «Воинах» все оказывается просто. Экономика, религия, политика ничего не значат. Главное — вера в чудо, которая почему-то в книгах «Воинов» часто именуется верой в Бога. Создается впечатление, что достаточно нескольких рекламных трюков и вся предшествующая история отменяется, а общественное мнение будет разделять как свои те ценности, которые ему навяжет хорошо оплачиваемая секта вокров. Стоит внушить миру, что Россия — это модно и современно, и в стране сам собой начнется подъем ВВП. Остается только не уточненным, как все-таки произойдет модернизация, какие кадры и на какой технологической базе ее будут осуществлять, куда исчезнут противники этого, каким образом российские товары станут конкурентоспособными на мировом рынке. Такими мелочами авторы креативных войн себя не утруждают. Видимо, все случится само собой: общество станет справедливым, преступность самоликвидируется, экономика станет инновационной, культура — передовой. Несколько манипуляций и фокусов (следите за руками) и общество преобразится. Нечто сред-

¹ Кантор М. Медленные челюсти демократии. М.: АСТ, Астрель, 2008. С. 280.

нее между маниловщиной и игрой в наперстки. Проблема в том, что жизнь отличается от рекламных роликов. Кино кончается, а жизнь продолжается, и все возвращается на круги своя.

Возвратимся к исходному вопросу о намерениях авторов. Возникает впечатление, что они толком не знают, чего хотят: может, светлого гуманистического будущего для всего человечества, а может, и православно-традиционного общества. Но им при любом раскладе хочется быть наверху. Для этого надо сначала разрушить очень широко понимаемую идею демократии, устранить идеологии, а потом управлять людьми с помощью креатива. Это и есть «Проект» в сочетании с «Воинами».

И вот что любопытно. Неужели авторы как «проекта», так и «креатива» сами не понимают, почему люди за ними идти не торопятся? Они уже апеллировали к сильным и богатым, звали творческих. Многие ли пришли? Богатые и творческие не пойдут к тем, кто открыто делит людей на лучших и худших. Они будут подозревать, что самые богатые, сильные и творческие уже угнездились на доминирующей позиции. И анонимно там сидят, зазывая простаков: да ничего, у нас же нет иерархии, одна только сеть. Но ведь в центре всякой сети сидит паук... Никто и не придет, потому что мы уже жили и до сих пор живем на звероферме, где одни звери равнее других. Но раньше идеологи были либо искреннее и имели совесть, либо были умнее и скрывали свои элитистские замашки. Эти даже не скрывают.

Авторы делают акцент на возможности формирования принципиально новых элит, которые верят в Бога, предвидят будущее и вообще мыслят стратегически, будучи способными выходить даже за пределы собственной земной жизни. Но где взять такие элиты? Уж не из рядов ли тех, кто отвечает теперь за разные аспекты общественной жизни, по поводу которых у населения за постсоветский период накопилось немало вопросов, начиная с проблем ЖКХ и детских садов и заканчивая особенностями национального законодательства и формулирования внешнеполитических позиций России? Эти накопившиеся вопросы вполне конкретны, как и люди, несущие ответственность за их разрешение. Но у авторов «Проекта» конкретных вопросов к ныне властвующим элитам как раз нет. Но зачем тогда какой-то «проект», если после его прочтения складывается понимание, что авторы фактически поддерживают статус-кво?

Более того, авторы «Проекта» не понимают, что на основе элитизма никакая действительно овладевающая массами идеология не строится. Элитистский подход и сама концепция идеологии или «изма» диаметрально противоположны. Либо одно, либо другое. Либо идти на риск и отвечать перед народом за свои действия с точки зрения ка-

кого-то учения, либо сознательно отказаться от такого учения, заменив его смутным мифом и упованием на какую-то неясную трансценденцию, о которой только и можно сказать (как и написано в проекте) — «какая тут логика?».

*Смутные цели «Проекта»,
или «Ловцы неокрепших душ»*

В «Проекте» много сил уделено всеобщей критике, но не предложено позитивных альтернатив, что серьезно снижает ценность подобной критики. А что дальше, спросит вдумчивый читатель? Что будет после критики, поскольку ограничение «Проекта» только критикой это путь из ниоткуда в никуда. В «Проекте» был дан анализ ряда политических режимов, и все они были отброшены в силу присущих им пороков. Огромное внимание было уделено критике демократии, понимаемой в очень широком смысле. Разоблачили также атеизм, рынок, массовую культуру. Покритиковали народ и «неправильную элиту», которые суть дети и простолюдины по духу, не умеющие видеть дальше собственного носа. Высказали пожелание обрести лучшую, чем нынешняя, элиту, чтобы она обладала целостным пониманием ситуации в стране и в мире, а также была ориентирована на нечто выходящее за пределы земной жизни. Сформулировали представление о «правильном» обществе-пирамиде, управляемом такой элитой. Очень, очень много места посвятили анализу природы власти, элиты, массы, избранности и т.д. Однако так и не сформулировали четко, чего же авторы хотят сами, не создали нового «изма». Сказали только, что сформулируют это в третьем томе, а пока могут сказать лишь, что хотят Православного царства, так называемого «Пятого царства» из пророчества Даниила, которое, по их словам, и есть Россия. Это царство «наполнит всю землю, сокрушит царства», где нашел себе приют нечистый дух, «а само будет стоять вечно»¹.

Избегая артикулирования собственной осмысленной позиции в идеологическом и социальном пространстве российской современности, авторы избирают иную тактику — быть рупором здравого смысла, претендовать на нечто неангажированное, всеобщее, не связанное с земными социальными интересами и классами. Но это недостижимая позиция Бога, оборачивающаяся практикой популиста, который легко мимикрирует, не неся ответственности за прежде сказанное, но всегда готов прагматично перестроиться в зависимости от меняющихся обстоятельств.

¹ Проект Россия. С. 437.

Чтобы уклониться от оценки положения дел в реальном российском обществе, акцент переносится на мир в целом. Авторы предпочитают умолчать об обостряющемся неравенстве, классовых противоречиях социальных групп, экономическом, поколенческом и географическом расслоении страны. Современное российское общество их полностью не устраивает и, на их взгляд, оно может быть излечено лишь тотальным обращением людей к Богу и неотрадиционалистской утопией. Поскольку последнее граничит с христианским фундаментализмом и вызывает массу вопросов относительно *реалистических* возможностей перехода к такому обществу, закономерно, что авторы приберегают разговор о механизме реализации своей утопии для третьего тома «проекта», который то ли выйдет, то ли нет.

Пока же паллиативный ответ формулируется в полухудожественной форме «Воинами», где осуществляется грубая подмена целей средствами — всемогущим креативом, рекламными технологиями, которые превращаются в панацею от всех бед, гасящую любое народное недовольство. В результате авторы не дотягивают ни до уровня политиков, ни до уровня идеологов. Они отрицают все традиционные идеологии, ставят себя выше их и декларируют, что любые идеологии, ценности и политические режимы суть не более чем конструкционный материал для сверхлюдей, опирающихся на некие сверхценности — на волю к воле (эвфемизм воли к власти), самоценность творчества и т.п. В общем, на силу, будь то сила креатива или просто сила, которая права, только потому что сильнее. Или в силу того, что ее творцы верят в Бога, а потому, как ни парадоксально, «право имеют». За каждым предложением «Проекта», которое само по себе может быть справедливым и правильным, не возникает сверхидеи.

В «Воинах» отсутствует позитивный идеал, а вместо него приводятся многочисленные примеры, как манипулировать народами с помощью пиара. Там управляют народами теми же средствами, что и демократы — «манипуляцией и соблазнением». Ну а как еще управлять детьми? Теми же демократическими методами, только уже с благими намерениями. Недаром в «Проекте» много говорится о том, что в глазах Бога ценны именно намерения, и даже приводится поговорка: «Бог намерения целует». (Поэтому В. Сендеров не прав, называя «Проект» «очередным тоталитарным проектом»¹. Ну какие же авторы проекта тоталитаристы? По методам — самые настоящие демократы.)

Вокры не имеют ясно сформулированных целей, кроме «возвращения к Богу». Подразумевается, однако, что эти цели известны та-

¹ Сендеров В. «Проект Россия» против русского европеизма // Вопросы философии. 2009. № 2. С. 24.

инственным лидерам «вокров». Для прочих достаточно творческого участия в разных креативных проектах, ибо им само творчество доставляет радость и дает смысл жизни. У «вокров» есть и определенный моральный кодекс; его надо соблюдать, а также верить в правоту лидеров, подчинение которым совершенно добровольно. А лидеры всегда правы, ибо они имеют выход в «высшие сферы» и знают мистическую подоплеку борьбы «вокров» со злыми силами. Именно Бог в итоге решает исход войны между «вокрами» во главе с Болельщиком и силами Зла. Иными словами, и тут мы имеем дело со ставкой на чудо. Но если отбросить эту довольно неуклюжую религиозную подоплеку, то чудо здесь заключается не в мистическом «праведном мече», а в возникновении великого СМЫСЛА из того, из чего он в принципе возникнуть не может — из «креатива». Потому что «креатив», даже если его обозвать творчеством, сам по себе великих смыслов не порождает, он ими только руководствуется. Но авторы «Воинов» надеются все же, что такие смыслы появятся, как только они, подобно Наполеону, ввяжутся в сражение.

В итоге получается такая картина: «Проект» написали люди, которые намеренно не формулируют своих конечных целей и скрывают свои имена именно потому, что хотят просто быть наверху, в составе элиты. Если же сформулировать какую-то идеологию, да еще отказаться от анонимности, то ведь придется отвечать перед народом, который они к тому же ценят весьма невысоко. Потому-то они хотели бы отвечать не перед народом, который «здесь и теперь», а перед Богом, который «там» и существование которого не для всех очевидно. Этакая тайная жреческая элита, которая в перспективе видит себя во главе глобальной империи — Пятого царства. Причем не исключено, что все их православие является не более чем «креативным» ходом, вроде, скажем, предлагаемого в «Воинах креатива» повышения популярности России на Западе путем пропаганды крутизны русской матерщины.

*Утопическая перспектива для России:
от недокапитализма к неотрадиционализму*

Представленный в «Проекте» замысел априори не может быть реализован в нынешнем российском обществе. Капиталистическое общество, основанное на экономикоцентризме, вполне земное, оно не нуждается в легитимации через предшествующие традиции и Бога. Возврат к подобной архаике означает отказ от Модерна и возврат к традиционному феодальному обществу, где верующих в божественную сакральность властно-политического порядка было большинство. Однако люди в развитых странах давно превратились в граждан, образующих гражд-

данское общество, наделяющее легитимностью соответствующие структуры государства без апелляции к Богу. Глас народа, нации, граждан давно заменяет глас Божий. Это может многим не нравиться, но, вероятно, мудрее не впутывать Бога в сугубо политические дела. Мы имеем массу примеров в прошлом, да и теперь, как привлечение Бога в политику лишь оборачивает в религиозную форму социальные противоречия, вовсе их не разрешая. Осмысление социальных противоречий в виде различных трактовок Божьих замыслов, порождает невероятное ожесточение «классовых битв», в которых врагов и инакомыслящих представляли как еретиков, а враждебная политическая позиция непосредственно угрожала спасению души.

Авторы идут против известного принципа «богу богово, а кесарю кесарево», фактически желают установления новой теократии. Социально-политическое устройство давно считается делом людей, градом земным. В условиях светского общества, наличия рационального индивида и общественного договора люди сами способны договориться об условиях совместного существования.

Авторов «Проекта» не устраивают ни либерализм, ни капитализм, ни коммунизм, ни выборы, ни демократия, но является ли адекватным ответом на такое недовольство обращение к иррациональному божественному провидению, помноженному на современные технологии управления? Ведь у них фактически открыто декларируется, что элиты ничего не должны обществу, и ничем не связаны, кроме Бога и вечности, поскольку общество никогда не дорастет до должного уровня понимания политики. Не элиты для общества, а общество для элит, не государства для граждан, а граждане для государства. Отсюда возрождение на страницах «Проекта» разговоров о неодворянстве, или обыкновенном барстве, о казалось бы давно преодоленном делении общества на касты. Собственно, если уж идти по этому пути, то надо идти до конца. Например, М. Юрьев прямо формулирует в данном ключе российскую утопию как фактический возврат к трем сословиям — духовенству, воинам и податному сословию. Но тогда логично будет кардинально изменить все институты и смыслы современного общества, сформировавшегося в результате революции «третьего сословия», иначе новый сословный проект не заработает. Это предполагает торможение социальной мобильности, закрытость элит, комплексную неотрадиционализацию российского общества в угоду господству действующих элит, поскольку последние являются единственными субъектами, заинтересованными в подобной направленности социально-политических и экономических процессов, когда равенство людей перед Богом позволяет отменить их равенство перед законом.

«В настоящее время подобная политика, вдохновляемая сословными представлениями, уже активно реализуется на практике. Происходит элитизация образования путем фактического закрытия с помощью финансовых барьеров доступа в престижные учебные заведения. Попасть на работу в ведущие компании, в государственный аппарат можно в основном по закрытым каналам отбора кадров, в которых главным критерием является принадлежность соискателя к привилегированным общественным слоям. В итоге закладываются механизмы самовоспроизводства элиты. В каком-то смысле эта практика, идущая вразрез с официальными модернизационными программами, в которых говорится о необходимости поддержания высокой социальной динамики, требует публичного обоснования. Идея возвращения к сословно-феодальной структуре общества в значительной мере отвечает этим целям. ...Матрица архаичных социальных практик, корни которых восходят к феодальным отношениям, довольно глубоко укоренилась в современных российских общественных реалиях, приобретая при этом системный характер. По-видимому, рудименты феодальной архаики в общественных отношениях в России будут не только сохраняться, но и укрепляться, если правящим в стране по сути транзитным элитам удастся защитить себя от необходимости подтверждать высокий статус и право на лидерство в условиях публичной конкуренции. Любое серьезное продвижение России в сторону создания открытого и конкурентного общества приведет к быстрому разрушению социальной архаики»¹.

Но само обращение политической мысли к традиции и архаике лишь симптом неработоспособности актуального политического порядка. Предлагаемый в «Проекте» рецепт архаизации выглядит откровенной ретроутопией. И авторов «Проекта» не спасают обильные цитаты из Евангелия, интерпретируемые ими в антиэгалитарном ключе. Особенно четко данная тенденция прослеживается в «Воинах», где место веры в Бога занимают манипуляции общественным мнением и декларируется, что Россия, вместо того чтобы дать образец праведной жизни для остального мира, просто возьмет реванш и превзойдет всех противников своей мощью. В результате Бог оказывается просто у сильных, даже если это творческая сила креатива, а сама вера в Бога превращается в подтверждение избранности и собственного превосходства. Начав с деклараций о вере, авторы постепенно подменяют Бога соблазном силы, могущества, власти, избранности, принадлежности к вечной и несменяемой элите, прикрытым тонкой пленкой па-

¹ Рябов А. Возрождение «феодальной» архаики в современной России: практика и идеи // Московский фонд Карнеги. Серия «Рабочие материалы». 2008. № 4. С. 13–14.

триотической риторики. Присоединение к сильным мира сего — соблазн, встающий перед интеллектуалами в любой сфере — религии, политики, экономики, науки, искусства. Но стоит ли поддаваться такому искушению?

Православные элиты, вокры или интеллектуалы сами по себе никогда и ничего в истории существенно не меняли без опоры на множество граждан. Максимум их влияния заключался в замедлении или ускорении объективных исторических, демографических, технологических процессов и трендов, действующих в долговременной перспективе. Все реальные преобразования в российской и мировой истории свершались, когда многие миллионы людей принимали осознанные решения, что жить как раньше они больше не могут. И эти решения обращались в активные политические действия, когда на историческую арену выходили народные массы, менявшие утративших всякое доверие и моральный авторитет элиты и социальное устройство в целом.

Поскольку в «Проекте» на данный момент не формулируется внятной позитивной программы социально-экономических действий, его цель видится скорее в другом — в недопущении альтернатив. Либо путем мягкой дискредитации либеральных ценностей, демократии и открытого общества, когда «крепость Россия» как Катехон должна закрыться и жить по собственным, отличным от остального мира законам. Либо путем конспирологической констатации мировой закулисы, стремящейся развалить Россию или отодвинуть ее на периферию мировых исторических, экономических или политических процессов. И здесь возникает единственный спасительный алгоритм — сплочение вокруг правильной элиты, партии и вождя, невзирая на неустрашимость и умножение социально-экономических дисбалансов и неполадок.

К чему в итоге сводится «Проект Россия»? Он предполагает свертывание неконтролируемой активности обычных граждан, насаждение в «старых традиционных обществах» незыблемых теократий, а затем и «остановку истории». Поэтому он, даже и без «Воинов креатива», «для иудеев — соблазн, для эллинов — безумие». «Для иудеев — соблазн» потому, что попытка установления теократической утопии предприятие весьма сомнительное как с религиозной, так и с моральной точек зрения. Почему «для эллинов — безумие», пояснять излишне. После же появления «Воинов» и вовсе перестаешь понимать, где заканчиваются безумие с соблазном и начинается обыкновенный цинизм уверенных в своем всемогуществе политтехнологов.

Конечно, авторы «Проекта Россия» или «Воинов креатива» в нашем сравнении результатов их труда с «соблазном для иудеев» и «безу-

мием для эллинов» могут усмотреть для себя нечто чрезвычайно лестное. Ведь именно так апостол Павел назвал благую весть от Христа — Евангелие.

Посему уточним. Хотя разобранные нами книги почти совпадают по числу с каноническими Евангелиями, они не кажутся нам «благой вестью». Если уж на то пошло, это скорее весть от очередного Великого инквизитора, который, как известно, тоже считал народы стадами, состоящими из детей: «О, мы убедим их наконец не гордиться, ибо ты вознес их и тем научил гордиться; докажем им, что они слабосильны, что они только жалкие дети, но что детское счастье слаще всякого. Они станут робки и станут смотреть на нас и прижиматься к нам в страхе, как птенцы к наседке. Они будут дивиться и ужасаться на нас и гордиться тем, что мы так могучи и так умны, что могли усмирить такое буйное тысячемиллионное стадо. Они будут расслабленно трепетать гнева нашего, умы их оробеют, глаза их станут слезоточивы, как у детей и женщин, но столь же легко будут переходить они по нашему мановению к веселью и к смеху, светлой радости и счастливой детской песенке...»¹

Что-то не хочется такого счастья.

¹ *Достоевский Ф.М.* Братья Карамазовы. В 2 т. М.: ТОО «Можайск-Терра», 1995. Т. 1. С. 508.